3 1761 08821314 5

UNIV. OF
TORONTO
LIBRARY

Digitized by the Internet Archive
in 2011 with funding from
University of Toronto

http://www.archive.org/details/dikaiavoliastikh00goro

٢٥٢

LR
G6724d

СЕРГѢЙ ГОРОДЕЦКІЙ.

Gorodetsky, Sergei Mitrofanovich

ДИКАЯ ВОЛЯ

Dikaya volya

443202
21.2.46

СТИХИ И СКАЗКИ.

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

«ФАКЕЛЫ»
К-во Д. К. Тихомирова.
СПБ. 1908.

[St. Petersburg].
3

Мать родимая, тебѣ я эту книгу отдаю,
Потому что разумѣю душу вольную твою;

Потому что зналъ и знаю, какъ томилась въ жизни ты,
Какъ стихія, мнѣ родная, все рвалась изъ тѣсноты;

Здѣсь повѣдать захотѣлъ я дикой воли голоса,
Что въ плѣну уразумѣлъ я, что напѣла мнѣ краса;

Здѣсь любовь я исповѣдалъ къ вѣчной женской глубинѣ,
Обернулся зоркимъ окомъ къ близкой сердцу старинѣ;

Здѣсь я снова сталъ ребенкомъ, нѣжнымъ, тихимъ и твоимъ,
И опять въ напѣвѣ звонкомъ явленъ Богъ съ лицомъ благимъ.

Даръ прими и помни: въ сынѣ ожила душа твоя.
Этой книгою отнынѣ пусть живу на свѣтѣ я.

5

Наша доля—вѣять волей
И въ плѣну всегда томиться,
Враждовать со злой неволей
И безкрылой птицей биться.

И любви святое дѣло—
Насъ томитъ тоской природной,
Призывая къ тѣлу тѣло
Для одной души свободной.

ГОЛОСА СМЕРТИ.

ЭЛЕГІИ.

1.

Мнѣ тяжело, какъ въ первый день,
Какъ въ первый день ночного горя,
Когда впервые пала тѣнь
На ровноту земли и моря,

И отъ заката до зари,
Пока опять лучи не встали,
Слова тоски: во тьмѣ умри,
Ночныя тѣни разливали.

Я сонъ вулкановъ услыхалъ,
Вокругъ себя разлившихъ лаву
Среди со дна подъятыхъ скалъ
На запыленную дубраву.

Я подъ разливами огня
Услышалъ свистъ горящей глины,
И свѣтъ теперешняго дня
Мнѣ теменъ, какъ лучи лучины.

Въ глухое сердце не гляди,
Оставь расколотую душу;
Все круче горы впереди,
Я бурей мчусь и скалы рушу.

И прорывая тяжкій путь,
Когда-то вырвусь на приволье!
Или разбивъ о камни грудь,
Умру, зальюсь мірскою болью.

2.

И вотъ опять совсѣмъ одинъ,
Какъ въ чисто поле занесенный
Напоромъ мощнымъ древнихъ льдинъ,
Сѣдыми мхами опушенный,

Валунъ, осколокъ темныхъ скалъ,
Гранитовъ сѣвера глухого,
Чью силу въ землю закопалъ
Разбѣгъ налета ледяного.

Лежитъ, проникнувъ въ черноземъ,
И глубже каждый годъ вростаетъ.
А солнце движется кругомъ,
И вѣтеръ съ посвистомъ летаетъ.

Да синій воронъ припадетъ,
Какъ на скалу высотъ родимыхъ,
Гдѣ пропасть въ пасть свою зоветъ
Безсильной яростью томимыхъ.

Хоть бы распасться и истлѣть!
Да нѣтъ, крѣпка судьба гранита:
Покуда солнцу землю грѣть,
Его твердыня не разбита.

3.

Подъ вечеръ жизни, въ часъ унылый,
На небо взглянешь впопыхахъ,
И видишь островъ сизокрылый
На алыхъ, медленныхъ волнахъ.

Склонивъ лицо, закатъ сіяетъ
И мертвой зыбью даль рябитъ.
И неба взоръ не покидаетъ,
И міръ для неба позабытъ.

Такъ тихо плещутъ волны моря,
Такой корабль сюда плыветъ,
Что вся тоска земного горя
Не затемнитъ сіянья водъ.

Глядишь и вѣришь откровенью
И узнаешь въ сѣдыхъ тѣняхъ
Родного прошлаго видѣнья,
Для свѣта вставшій милый прахъ.

А самъ, и темный и тяжелый,
Оковы плоти не сорвавъ,
Еще вздымаешь черепъ голый
Надъ красотою тлѣнныхъ травъ.

4.

Опять въ печальной тишинѣ
Недвижнымъ сердцемъ затихаю,
И ничего опять не знаю,
Всему внимаю, какъ во снѣ.

На мысляхъ цѣпкая узда,
Все скрыто тьмой неуловимой:
И очи дальнія любимой,
И въ небѣ дальняя звѣзда.

Все круче горная стезя,
Подъ лавою все тише пламя,
И никакими-то словами
Расколдовать судьбы нельзя!

5.

Нѣтъ, долго я не проживу
И рано преклоню колѣна
На повечернюю траву
Во избавленіе отъ плѣна.

Уже теперь среди живыхъ
Я замѣчаю язвы тлѣна,
И мнѣ на лицахъ роковыхъ
Видна грядущая измѣна.

Но какъ морякъ въ ночныхъ волнахъ,
Учуя гибель надъ собою,
Я не хочу въ пустыхъ бояхъ
Глумиться надъ своей судьбою.

Нѣтъ, улыбаясь звѣзднымъ днямъ
И солнцу новаго восхода,
Послѣдній воздыхъ я отдамъ
Тебѣ, о, мать моя, природа.

6.

Такъ и уйду съ душею неразсказанной,
Съ недвижною улыбкой на губахъ.
И лягу на лугу въ простыхъ цвѣтахъ,
Ромашкахъ, макахъ, василькахъ,
Все улыбаясь, вознесусь душей развязанной,
А на цвѣтахъ останется мой прахъ.

И вы, подруги и друзья мои любимые,
Придя, слезами не туманьте глазъ.
И смерти радуйтесь хоть этотъ разъ,
Когда ушелъ въ сіяющій оазъ,
Природы слушаясь неумолимыя,
Веселый жизненосецъ Азъ.

7.

И ты придешь въ мой домъ покинутый,
Какъ приходила въ свѣтлый часъ,
Когда огонь вечерній гасъ,
Закидывая розами насъ.
На храмъ посмотришь, мной отринутый,
Любимый столькими изъ васъ,—

И лишь тобой одною не возлюбленный,
Безъ поцѣлуя спящій на глазахъ,
Безъ брачнаго вѣнка на волосахъ
И безъ колецъ на сложенныхъ рукахъ.
Придешь и поцѣлуешь храмъ загубленный,
Утаивая въ сердцѣ горькій страхъ.

8.

Еще запомни на разлуку:
Когда умру, сними съ меня
Одежды тягостную муку
И покажи сіянью дня
Тѣлесъ бѣлѣющую скуку,
И, прежде, чѣмъ возлетъ огня,
Подобно яростному звуку
Моихъ стиховъ, возьметъ меня,
Свою цѣлительную руку,
Святыню памяти храня,
Давая вѣчную поруку
Себѣ и людямъ за меня,
Прижми ко лбу, гдѣ крови стуку
Внимала ты, ладонью льня,
Когда веселую науку
Читала жизнь—не для меня.

9.

Все стало чуждымъ: комната и люди.
И неотсюда ужъ гляжу на свой уютъ,
Гдѣ вещи, суетливо подставляя груди,
Мои глаза ненужностью гнетутъ.

Еще недавно этотъ столъ просторный
И кресло утлое манили вечеромъ меня
Истратить свой досугъ на вымыселъ узорный
И на разсказъ разсказовъ алаго огня.

И книжки надъ столомъ, гдѣ рядомъ прикорнули
Поэтъ сіяющій съ упорнымъ мудрецомъ,
Въ послѣдній разъ давно ли обманули
Меня, еще не взятаго вершающимъ концомъ.

Бумага хрупкая и ты, перо стальное,
Послушныя, еще не замершей мечтѣ,
И вы, когда узнаешь бытіе иное,
Подъ взоромъ обреченнаго уже не тѣ.

И ты, подруга вымысловъ веселыхъ,
Другъ комнаты и мой завѣтный другъ,
Въ упрямомъ взглядѣ глазъ моихъ тяжелыхъ
Такъ неожиданно перемѣнилась вдругъ.

Все, все оторвано, покинуто, забыто.
Безстрастно созерцая старый домъ,
Глухое око широко раскрыто,
Но чуждо все ему въ быломъ.

ПѢСЕНКА СМЕРТЕЛЬНАЯ.

Тоска моя, Смеретушка,
Ты кѣмъ ко мнѣ придешь,
Полуднемъ ли, полуночью
Скогтишь меня, возьмешь?

Въ лѣсуль меня ты выслѣдишь,
Когда глаза заснутъ?
Припомни-ка пословицу:
Лежачаго не бьютъ.

На полѣ за работою
Тебѣ-ль за мной ходить,
Снопами укрываючись:
Кто будетъ рожь косить?

За ужинъ мой съ ребятами,
Съ хозяйкою женой,
Прельщаясь короваями,
Итти-ль тебѣ за мной?

Ужъ лучше мы, Смеретушка,
Да будемъ какъ друзья.
На что ужъ ты смышленая,
А все смышленѣй я.

Поѣду въ лѣсъ за хворостомъ,
Какъ будто запоздалъ,
А ты вотъ тутъ и выгляни,
Пока закатецъ алъ.

Да не съ косой и черепомъ
Замѣстъ лица-зари,
Смотри душею-дѣвицей,
Смѣясь скажи: умри.

Чтобъ волосы раскинулись
Отъ лѣса до небесъ.
Пойдешь—деревья движутся,
Даетъ дорогу лѣсъ.

Живая, полногрудая,
Чтобъ жаръ вотъ такъ и жегъ,
Чтобъ встрѣчу такъ и кинулся,
Любовью занемогъ.

Цѣлуй тогда, Смеретушка,
Покуда не умру.
Не отойду—кляни меня—
Отъ золъ твоихъ къ добру.

Вотъ такъ вотъ и останусь я,
Глядясь въ глаза твои.
Возьми-бери, Смеретушка,
Тутъ всѣ права свои.

Пускай голосятъ съ бабою
Ребятки надъ отцемъ:
Смертельнымъ обручаюся
Съ забавою кольцомъ.

Умру, пусть вѣтеръ носится
И носитъ хворостъ мой,
Ходи и ты, Смеретушка
И зубы скаль со тьмой.

Летайте, черны вороны,
Въ лѣсу глухомъ лежу.
Проклюйте очи синія,
А то я все гляжу.

Бѣгите, волки сѣрые!
Вамъ падаль отдаю.
Дожди падите гулкіе,
Омойте кость мою!

Приди тогда, Смеретушка,
Еще взглянуть любя:
Теперь-то твой возлюбленный
Похожъ ли на тебя?

КОЛЫБЕЛЬНАЯ.

Спи, тихій мой, любимый мой!
Качаетъ кто, узнала я.
Зеленый свѣтъ глядитъ тюрьмой,
Тюрьмой гляжу усталая.

Качала Смерть тебя, дитя,
И кровь впивала алую.
Лежишь - молчишь, со мной шутя,
Склонилъ головку малую.

Сама звала, сама ждала:
Хоть Смерть возьми младенчика!
А Смерть добра, не хочетъ зла:
Пришла, убила птенчика.

Спи, тихій мой, любимый мой!
Когда бы люди вѣдали!
Зеленый свѣтъ глядитъ тюрьмой,
Намъ волю заповѣдали.

ТЮРЕМНЫЯ ПѢСНИ.

КЛЯТВА.

Колокольный звонъ несется,
Больно въ сердцѣ отдается,
Воля вольная—увы!
Тѣсенъ теремъ одинокій,
Склепъ печаленъ одноокій,
За стѣною гулъ молвы.

За стѣною солнце, солнце!
Но не къ солнцу глазъ-оконце!
А въ такую же стѣну.
И таятъ глухія стѣны
Безъ любви и безъ измѣны
Мысль жестокую одну:

Какъ бы крѣпче стиснуть волю,
Какъ убить живую долю,
Впиться, мучать и пытать,
И тупымъ, безстыднымъ смѣхомъ
На усладу злымъ потѣхамъ
Гордость смять и растоптать.

Но и въ малое оконце
Вижу я на небѣ солнце,
Отраженное въ лучахъ
И разлитое повсюду:
Въ тьму ночей и въ сердце люду,
На стѣнахъ и облакахъ.

Солнца ясность золотая!
Я храню тебя, святая,
Я и здѣсь останусь живъ!
Птица съ крикомъ пролетѣла,
Быстро, преданно и смѣло
Клятву въ небо восхитивъ.

ЖЕРТВА.

Принесли мнѣ хлѣбъ и воду,
Дали соли: хлѣбъ да соль!
Помяну-ка мать-природу,
Изобилье дикихъ воль.

Сыпься, бѣлая солица,
Да на этотъ черный хлѣбъ.
(Подожди, тоска-черница:
Я и такъ отъ слезъ ослѣпъ).

Я-ли хлѣбомъ не питался,
По болотамъ не бродилъ,
Синимъ небомъ любовался,
Съ темнымъ лѣсомъ говорилъ.

Лейся, тихая водица,
Жертву малую твори.
(Подожди, тоска-черница:
Не видать отъ слезъ зари).

Я-ль съ водою не ласкался
По озерамъ и рѣкамъ,
Въ струйкахъ синенькихъ плескался,
Гребъ навстрѣчу рыбакамъ.

Мать-природа, слышишь сына?
Черный хлѣбъ, вода и соль—
Это жертва исполина
Изобилью дикихъ воль.

ПОЯСОКЪ.

Ахъ, мой синій, васильковый, да шелковый поясокъ!
А на этомъ поясочкѣ крѣпко стянутъ узелокъ.

Крѣпко стянутъ да затянутъ милой, ласковой моей,
Крѣпче поручней желѣзныхъ, крѣпче тягостныхъ цѣпей.

Я гулялъ тогда на волѣ и ее любилъ, какъ свѣтъ.
Рано утромъ на прощанье завязала мнѣ привѣтъ.

Полонъ силы молодецкой, уѣзжалъ отъ милой я:
Помни, солнце, мой любимый, я всегда, вездѣ твоя.

Ѣхалъ вольный, не доѣхалъ, угодилъ какъ разъ въ тюрьму.
Брошенъ въ склепъ зеленоватый, въ голубую полутьму.

Изъ угловъ смѣются стѣны: посиди-ка тутъ одинъ,
И сквозь слезы, да съ усмѣшкой имъ въ отвѣтъ приволья сынъ:

Былъ одинъ бы, кабы не былъ да со мною поясокъ,
А на этомъ поясочкѣ да вотъ этотъ узелокъ.

Былъ одинъ, кабы не чуялъ, что любимая вотъ тутъ,
Въ самомъ сердцѣ, гдѣ живые голоса гудятъ, поютъ.

Былъ одинъ, кабы не вѣдалъ, что и ты, тюрьма, одна.
Что и въ каменной неволѣ воля вольная вольна.

Ахъ, мой синій, васильковый, да шелковый поясокъ,
А на этомъ поясочкѣ стянутъ милой узелокъ.

А У.

Моя рубаха бѣлая, брусничное пятно!
Изъ краснаго лиловенькимъ теперь глядитъ оно.

Подъ дождикомъ серебрянымъ по ягоду мы шли.
А вѣтры сизы облаки въ поднебесьи несли.

Качался лѣсъ, туманился подъ сѣткою дождя
И все-то звалъ, заманивалъ, подальше уводя.

Пригорки за пригорками, тамъ озеро, тамъ лугъ,
Взлетанье птицъ испуганныхъ, ауканье подругъ.

Собрали много, мало ли, зато поѣли всласть,
А ноги притомилися, велятъ къ травѣ припасть.

Кабы трава не мокрая, вотъ такъ бы и упалъ,
И въ верескѣ запутался, въ муравушкѣ пропалъ.

Лежалъ бы, не шелохнулся, къ землѣ родимой льня.
Подруги за деревьями искали бы меня.

Любимыя подруженьки, ау, ау, ау!
Вы слышите, откуда васъ зову, зову, зову!

Не въ травахъ я запутался, не на земь я прилегъ,
Ступилъ я за рѣшетчатый, невольничій порогъ.

Не лѣсъ стѣною пестрою идетъ ко мнѣ, маня,
А стѣны склепа темнаго стоятъ вокругъ меня.

Не эхо голосъ звонкій мой уноситъ, отдаетъ,
А гулъ могилы каменной гудитъ, въ отвѣтъ поетъ.

Не травы стеблемъ ласковымъ къ щекамъ горячимъ льнутъ,
А доски пола желтаго мхи-волосы метутъ.

Одна рубаха бѣлая, брусничное пятно,
Изъ краснаго лиловенькимъ глядитъ теперь оно.

ПОВЯЗКА.

Желтенькая ленточка, повязочка моя,
Что ты такъ ласкаешься, касаяся меня?

Или я запамятовалъ, кто тебя сшивалъ,
Кто тебя на волосы мнѣ лѣтось одѣвалъ.

Кто мнѣ кудри русыя расчесывалъ, жалѣлъ,
Кто мнѣ межъ волосьями въ глаза мои глядѣлъ.

Какъ они смѣялися, подглядывалъ, смѣясь,
На губы веселыя рѣсницами косясь.

Помню, помню, ленточка, все помню навсегда,
Только вѣдь для памяти пожаловалъ сюда.

Рано утро ясное проглянетъ за окномъ,
Я ужъ подъ рѣшеткою стою съ тобой вдвоемъ.

Гребнемъ поломавшимся чешу себя, деру,
Волны къ волнамъ волосы никакъ не подберу.

Руки да за голову, а ленточку къ кудрямъ,
Весь то отданъ утреннимъ, пронзающимъ лучамъ.

И ужъ тутъ не знаю я, молюсь иль не молюсь,
Радъ тюрьмѣ, иль пламенно изъ ней на волю рвусь.

Только знаю: ленточка, повязочка моя
Свѣтится, колышется на кудряхъ у меня.

ГОЛОСА.

Цѣлый день мнѣ слышатся эти голоса.
Стѣны-ль это плачутся, поютъ ли небеса?

То бросаютъ скалами низкіе басы,
Будто строютъ храмину божеской красы.

То, какъ дѣти ясные, звонки и чисты,
Держатъ сердце въ трепетѣ сладостной мечты.

Чуткимъ ухомъ слушаю, думаю понять,
Но неуловимые, стихнули опять.

И опять возникнули—тамъ-ли въ высотѣ,
Или тутъ за стѣнками, тѣ же и не тѣ?

Силой сердце полнится, видно, лучше тамъ,
Гдѣ мои родимые ввѣрились слезамъ.

Мать ли понадѣялась сына увидать,
Сестры-ль сны увидѣли, Божью благодать?

Или ты, любимая, чуешь, что съ тобой
Связанъ нерушимо я вѣрною судьбой?

Вѣдать я не вѣдаю Божьи чудеса.
Только слышу: вольные это голоса.

Только знаю, радостно слышать ихъ теперь,
Сердце укрѣпляющихъ: жди, надѣйся, вѣрь.

ТЕПЛАЯ ВОДА.

Тепло, разсѣянное въ мірѣ!
Ты и ко мнѣ пришло въ мой склепъ.
И я, забывшись въ тихомъ пирѣ,
На нищету свою ослѣпъ.

Вода, святыня и потреба,
Живымъ согрѣтая огнемъ,
Стоитъ, и комъ ржаного хлѣба
Въ пару темнѣетъ голубомъ.

Тебя дрова лѣсныя грѣли,
Годами скопленный запасъ
Истративъ для единой цѣли:
Сгорѣть, согрѣвъ собою насъ,

И расточить щедроты солнца,
Густой пріятыя листвой,
Отъ гордыхъ храминъ до оконца
Тюрьмы, твердыни горевой.

И только вспомню, что такая жъ,
Огнемъ согрѣтая земнымъ,
Ты гдѣ въ разсѣлинахъ мелькаешь,
Гдѣ подымаешь сизый дымъ—

Свои худыя руки грѣя
О теплый, маленькій кувшинъ,
Я снова въ вихрѣ міра вѣю,
Въ живой борьбѣ первопричинъ.

ЧЕРЕДА.

Вотъ и пятый день подходитъ,
И пройдетъ, уйдетъ, какъ всѣ.
Видно, поровну отводитъ
Время горю и красѣ.

Красоты я зналъ немало.
И все больше ждалъ, да ждалъ.
Горя будто не бывало,
Только слухъ о немъ слыхалъ.

Вотъ и выпало на долю
Выпить горькое вино,
Посмотрѣть на синю волю
Сквозь желѣзное окно.

И смотрю: она все та-же,
Да ужъ я-то не такой.
Но меня ли силѣ вражьей
Надо сжать своей рукой?

Пусть одни уста застынутъ,
Эти очи отцвѣтутъ,
А вотъ тѣ повязки скинутъ,
А другія оживутъ.

Камень сверху оторвался—
Убыль верху, прибыль тамъ,
Гдѣ раскатъ его раздался
По долинамъ и горамъ.

Сизый облакъ наклонился,
Сила вылилась дождемъ—
Сводъ пустынный прояснился,
А хлѣба поютъ: взойдемъ.

Такъ и все на этомъ свѣтѣ,
И на всякомъ свѣтѣ такъ:
Изсякаютъ силы эти—
Восхожденью новыхъ знакъ.

Мы же, маленькія звенья,
Сохраняемъ череду:
Ты прошелъ, сосѣдъ?—Прощенье!
Ты идешь, сосѣдъ?—Иду!

ГОЛУБИ.

Вамъ, голуби привольные,
Насыпалъ я пшена
За тѣ врата игольныя
Тюремнаго окна.

Слетѣлись, сердце радуя,
Клюютъ скорѣй, спѣшатъ.
Не вижу только ладу я:
Крылами бьютъ набатъ.

Торопятся, стараются
Другъ друга упредить
И всей-то стаей маются
Пшеницу подѣлить.

Покойны будьте, сизые!
Обильно сыплю вамъ.
Прильните сизой ризою
Къ невольничьимъ зернамъ.

Когда же всѣ насытитесь,
Взлетите въ эту синь,
По куполу разсыпитесь
Синѣющихъ твердынь.

И, можетъ быть, проворнѣе
И кто изъ васъ сильнѣй,
Покинетъ долы горніе
Для дальнихъ зеленей,

Для тѣхъ садовъ темнѣющихъ,
Гдѣ мать моя одна
Въ слезахъ, унылость сѣющихъ,
Поникла у окна,

И сына подневольнаго
Тоскуетъ, жадно ждетъ,
У сердца богомольнаго
Прося себѣ оплотъ.

КРУЧИНА.

Не круши меня, кручина!
Мнѣ еще немало жить.
Пала черная година,
Оттого-ли мнѣ тужить?

Вѣдь все также солнце свѣтитъ,
Такъ же дѣти видятъ сны.
И земля все такъ-же встрѣтитъ
Пѣсни первыя весны.

Осень пестрая подходитъ,
Потемнѣли тополя.
И туманъ ужъ вѣрно ходитъ
Въ опустѣлыя поля.

Только я ужъ не любуюсь
Той осенней милой мглой,
Темной силѣ повинуюсь,
Взятъ могилой нежилой.

Такъ любуйся ты одна тамъ,
Свѣтъ испуганной души,
По лѣсамъ ходи лохматымъ,
Лѣсомъ скорбь свою глуши.

Примѣчай-ка всѣ красоты,
Ничего не упусти.
Лѣсу выдай всѣ заботы
Съ тучей листьевъ унести.

И борись съ тоской-кручиной,
Какъ и я борюсь тутъ съ ней,
Чтобы волею единой
Сердце полнилось вольнѣй.

СѢРЫЙ ВЕЧЕРЪ.

Отчего ты, вечеръ, сѣрый и простой,
Какъ ребенокъ малый съ тихою мечтой,

Мальчикъ сѣроглазый, увидавшій свѣтъ
Въ первый разъ на склонѣ отроческихъ лѣтъ?

Отчего и звоны, вечеръ, у церквей
Словно стаи сизыхъ, раннихъ голубей,

Только наученныхъ крылья подымать,
Сердцемъ не забывшихъ голубицу-мать?

Отчего ты, вечеръ, заманилъ меня
Пристальной улыбкой сѣраго огня?

Покажи мнѣ обликъ, сѣрый вечеръ мой!
Распахни свой облакъ, свитый полутьмой!

Подойди же ближе. И еще. Вотъ такъ.
Загляни въ глаза мнѣ, въ мой завѣтный мракъ.

Развѣ ты не видишь: сѣрые глаза,
Только въ самой дали прячется гроза.

Обними нѣжнѣе. Окружи совсѣмъ.
Чтобъ я сталъ недвижимъ, какъ пустыня, нѣмъ.

Чтобы только были, вечеръ, я да ты
Тутъ надъ колыбелью маленькой мечты.

МАРЕВО.

Сдѣлалъ меньше малый теремъ,
Сумракъ гуще, ниже сводъ.
И шепнулъ: давай, повѣримъ!
Покидая небосводъ.

Засмѣявшись сѣрымъ глазомъ
Брату Вечеру въ отвѣтъ,
Началъ счетъ я: разъ! И разомъ
Вспыхнулъ тихій сѣрый свѣтъ.

Два! И въ зыбкой колыбели
Просыпается дитя.
Щеки сонныя зардѣли.
Ищетъ, ручками метя.

Три! И мать склонилась гибко
Голодъ грудью утолить.
У двоихъ цвѣтетъ улыбка,
Третій—краше въ гробъ валить.

Вечеръ, Вечеръ, Вечеръ! Тише!
Колдовства не нарушай!
Долетаетъ шепотъ свыше:
Ночи—здравствуй! Мнѣ—прощай!

ГОСТЬ.

Здравствуй. Кто ты?—Неподвиженъ.
Кто?—Струитъ глазами мракъ.
Кто?—Пустынный взоръ приближенъ,
На губахъ молчанья знакъ.

Нѣтъ, не страшно. Что ты можешь?
Ничего? Ну что-жъ, сиди!
Склепъ мой строгій не встревожишь,
Только въ сердце не гляди.

При тебѣ читать не нужно?
Странный гость. Но буду милъ,
Посидимъ спокойно, дружно,
Ты, игра вечернихъ силъ.

Что?! На волю не хочу-ли?
Хочешь воли—ты сказалъ?
Мнѣ? Да волю бы вернули?
Я? Да снова-бъ вольный сталъ?

Можешь? Можешь?—Неподвиженъ.
Можешь ты?—Молчанья знакъ.
Гдѣ онъ?—Сѣрый сводъ приниженъ.
Со стѣны струится мракъ.

ЯСНОСТЬ.

Пронизала душу ясность созерцанья.
Какъ дождемъ, омыла дальніе углы.
Освѣжила бурей перваго страданья,
Разорвала скопы ядовитой мглы.

И взираю страннымъ, онѣмѣлымъ окомъ
На позоръ звѣриныхъ, разоренныхъ норъ,
Гдѣ былые годы низменнымъ потокомъ
Пробѣгали мутно, потупляя взоръ.

И впиваю сердцемъ чистоту и ясность
Предо мной лежащихъ голубыхъ высотъ,
Гдѣ промчится, съ вѣчнымъ утвердивъ согласность,
Дней моихъ грядущихъ просвѣтленный летъ.

МОРЕ.

Уплывайте, уплывайте, дальше, дальше, облака,
Чтобъ лазурь была, какъ море, а не узкая рѣка.

У меня душа какъ море, полноводный океанъ,
Что подъ льдинами синѣетъ у полярныхъ бѣлыхъ странъ.

Съ каждымъ часомъ льдины таютъ, обнажая синеву.
Вотъ послѣдняя лепечетъ: не растаю, уплыву!

Но отъ солнца золотого никогда не уплыветъ,
Что тепло его живое вѣрной смерти обречетъ.

Льдина таетъ, расширяя каплей малою просторъ,
Только море, только небо и взирающій мой взоръ.

Все, что было малымъ, низкимъ, сметено, унесено,
Свѣтитъ синяя пустыня, въ вѣчность зоркое окно.

Все, что мучило, томило, тѣснотой своей гнело,
Все развѣялъ вольный вѣтеръ, волей моря унесло.

Только волны ходятъ вольно, какъ хотятъ и гдѣ хотятъ,
И серебряныя брызги къ небу синему летятъ.

Только я гляжу, не вѣря широтѣ такой души:
Неужели эти дали изъ моей идутъ глуши?

Изобилье синей воли не плѣнительный обманъ,
И душа моя вотъ это, это море-океанъ?

ПУСТЫНЯ.

Ушелъ я въ дальнюю пустыню
Увѣдать жизни чудеса,
Къ тому-ль приволью, морю-синю,
На тѣ-ли божьи голоса,

Что прозвучали въ часъ унынья
На восхожденьи злого дня,
Когда зеленою полынью
Судьба дурманила меня.

Здѣсь даль ясна, и необъятенъ
Кругомъ сіяющій просторъ,
И мнѣ отсюда такъ понятенъ
Прошедшихъ дней моихъ позоръ.

Вся пустота былыхъ скитаній
И суета шумливыхъ дней,
И маета цвѣтныхъ мечтаній,
Потѣшныхъ зарево огней.

Все, чѣмъ живую душу маялъ,
И гдѣ растратилъ столько силъ,
Гдѣ чуть мой пламень не истаялъ,
Гдѣ жизни чуть не погубилъ.

Приникнувъ ухомъ къ тихимъ травамъ,
Иль со звѣздою взоры сливъ,
Покоренъ жизни дикой нравамъ,
Смиренью сердце научивъ,

Я буду слушать, улыбаясь,
Все тѣ-же божьи голоса,
Душой смущенной порываясь
Увѣдать жизни чудеса.

ВЪ ЛѢСУ.

Слышу стонъ твой издалече,
Вижу: плачешь на землѣ,
Колыхаютъ слезы плечи,
Скорбь застыла на челѣ.

И цѣлуешь верескъ алый,
Припадаешь, и опять
Подымаешь крикъ усталый
Къ синю небу возлетать:

По травѣ ходилъ по этой,
На цвѣты лѣсовъ глядѣлъ.
Сердца ласковой замѣтой
Сколько сосенокъ одѣлъ.

Какъ питался, любовался,
Красотой лѣсною жилъ;
Голосъ звонкій отдавался,
Съ эхомъ вспыльчивымъ дружилъ.

А теперь—лѣса красивы,
Или нѣтъ—не вижу я.
Слышишь ты мои призывы,
Тамъ, въ тѣснинахъ бытія?

Слышу, вѣрная подруга!
И хожу, хожу, вотъ такъ:
Одного того-же круга
Обивая известнякъ.

Выпускаютъ чередою
По дорожкѣ погулять,
Чтобъ натянутой уздою
Вольнымъ сердцемъ помыкать.

Шагу малаго налѣво,
Ни направо не ступи,
А безпомощнаго гнѣва
Силу острую тупи.

Вотъ хожу и вспоминаю
Лѣсъ зеленый да тебя.
А тоска моя шальная
Ходитъ рядышкомъ, знобя.

Слышу стонъ твой издалече.
Вижу: плачешь на землѣ.
Подыми-ка къ небу плечи,
Сгладь морщины на челѣ!

И окинь свободнымъ окомъ
Красоту и бытіе.
Все-ль твое въ лѣсу высокомъ?
А твое, такъ и мое.

РОЖДЕНІЕ.

Ты знаешь-ли, какъ все однимъ полно:
Тобой, лучемъ воспоминаній,
Съ тѣхъ поръ, какъ въ узкое мое окно
Я вижу міръ внѣвременныхъ сіяній?

Не ты-ли, угадавъ мои пути,
Великое лелѣя и въ ничтожномъ,
Могла и ужасу сказать: свѣти!
Возможное провидя въ невозможномъ?

Не ты-ль огнемъ предчувствій и ума
Проникнувъ въ мысли бытія глухія,
Сама сказала мнѣ: спасетъ тюрьма,
И вольная въ неволѣ явится стихія?

Сбылись слова, правдивыя навѣкъ.
Въ священномъ ужасѣ внимаю бурѣ,
И вижу: въ сонномъ звѣрѣ человѣкъ
Лицо подъемлетъ къ божеской лазури.

И съ неба—вижу—женская рука
Великое даетъ благословенье
На всѣ огнемъ рожденные вѣка
И на мое смиренное рожденье.

ПОЭТЪ.

Я разсказалъ, косноязычный,
Природы яростную глушь.
И былъ отраденъ необычный
Мой быстрый стихъ для яркихъ душъ;

Я разсказалъ наивнымъ слогомъ
Святой причастіе любви
И промолчалъ о тайномъ многомъ,
Сокрытомъ въ плоти и крови;

Я разсказалъ безсвязной рѣчью
Народа сильнаго бѣду,
Взманивши гордость человѣчью
Сорвать желѣзную узду;

Теперь иное назначенье
Открылось духу моему,
И на великое служенье
Я голосъ новый подыму.

Да будетъ святъ и непороченъ
Мой цѣломудренный языкъ,
Какъ взглядъ орла сѣдого точенъ,
И чистъ, какъ снѣговой родникъ.

Да будетъ всѣмъ всегда понятенъ
Судьбою выкованный стихъ,
Равно вчера и завтра внятенъ,
Равно для юныхъ и сѣдыхъ.

Да будетъ щедръ и безразличенъ
Для всѣхъ сіяющій мой свѣтъ,
Когда святымъ огнемъ отличенъ
Я, волей Божею, поэтъ.

В О Л Я.

ВОЛЯ.

Здравствуй, воля!

Наивная, какъ юная невѣста,
Пугливая, какъ лань лѣсная,
Пьянящая,
Какъ первое осеннее вино.

Опять ты облекла меня,
Вошла и въ кровь и въ плоть мою,
Въ глаза мнѣ поглядѣла такъ призывно,
Что закружилась сладко голова,
И на траву склонилъ я жертвенное тѣло,
Гдѣ желтые и красные огни
Кленовыхъ листьевъ раскидала осень.

Такая жъ ты, но для меня другая.
Все такъ-же ты объемлешь міръ,
Сверкаешь солнцемъ
И въ лѣсу живешь,
Гдѣ каждый листъ тобою дышетъ,
Колеблемый осеннимъ вѣтромъ.

Но міру ты нужнѣй, чѣмъ мнѣ,
Но солнце свѣтитъ всѣмъ, какъ мнѣ,
И лѣсъ хранитъ тебя для всѣхъ,
Не только для меня,
Стихійнаго, смѣющагося звѣря,
Какимъ была душа моя,
Пока не наступила эта осень.

Такъ мало совершилось—такъ-же много.
Я только десять дней не видѣлъ солнца,
Тобой сверкающаго, воля;
И столько же ночей не видѣлъ неба,
Простертаго тобою, воля;
Я только десяти разсвѣтовъ
И десяти вечернихъ зорь не видѣлъ,
Затепленныхъ тобою, воля;
Я только десять дней баюкалъ стѣны
Невольничьей докучной пѣсней,
Пропѣтою тобою, воля,—

И вотъ, душа уже другая
Беретъ отъ жизни впечатлѣнья
Прямѣй, задумчивѣй и проще.
Такъ листья, ливнемъ благодатнымъ
Омытые, берутъ прямѣе
Лучи отъ жизненнаго солнца.

И стали:
Слышнѣе дѣтскій голосъ,
Понятнѣе сѣдая старость,
Невыносимѣе людская скудость,
Своя мудрѣе совѣсть,
Сильнѣе вялый разумъ,
Мои пути виднѣе,
Цѣннѣе жизнь,
И смерть доступнѣй,
И ярче огненные листья,
Зажженные тобою, осень,
И ближе ты, возможность жизни.
Воля.

Здравствуй, воля!

ДѢТСТВО.

Я въ томъ лѣсу, гдѣ дѣтство протекло,
Такое вольное,
Такъ хорошо и вѣрно знавшее
Искусство жить въ игрѣ веселой,
Къ чему теперь лишь робкими шагами
Я приближаюсь, опытъ тяжкій
Неся въ окрѣпшемъ сердцѣ.

Онъ тотъ-же, мой сосновый лѣсъ.
И время
Лишь выше подняло стволы сѣдые,
Лишь ближе молодой соснякъ
Согнало къ бѣлому оврагу,
Который былъ такимъ большимъ,
Когда на днѣ его я бѣгалъ дѣтскими ногами,
И маленькимъ такимъ теперь лежитъ передо мною,
Какъ будто удивленный старому знакомцу,
И вовсе не глубокій.

Иду тихонько, вглядываясь въ чащу,
Прислушиваясь къ чьимъ-то голосамъ,
Какъ прежде, полнящимъ весь гулкій лѣсъ,
И знаю, что нельзя назвать ихъ птичьимъ пѣньемъ,
Ни шелестомъ засохшихъ вѣтокъ,
А только тихими лѣсными голосами.

И вдругъ средь нихъ звенитъ мой прежній голосъ,
И за стволами низко у земли
Мелькаетъ бѣлое и быстрое пятно,
То исчезаетъ, бросившись на землю,
То снова мечется—болотный огонекъ,
Зовущій за собой невѣдомо куда
По зарослямъ зеленой топи.

Куда? Не знаю. Знаю—на приволье,
Въ лѣсныя чащи и поля пустыя
Подъ синимъ небомъ жизни,
Въ море, гулкое, цвѣтное море—
Туда такъ весело и просто
Бросаюсь я и отдаю всего себя,
Какъ этому лѣсному сновидѣнью.

МИГЪ.

Смѣнился мѣсяцъ, какъ на волѣ я.

А все еще не нагляжусь
Въ свое окно,
Гдѣ въ сѣткѣ вѣтокъ ель
Все такъ-же зелена,
Какъ и тогда, въ безумный день разлуки.

А все еще не нахожусь
По золотымъ лѣснымъ тропамъ,
Усыпаннымъ опавшею красой,
И не наслушаюсь чудесныхъ голосовъ,
Во всеуслышанье звенящихъ намъ.

Послушай ихъ не суетясь,
Не торопясь отдаться вновь
Бездѣлью, книгамъ, толкотнѣ,
Нѣтъ, хоть на мигъ отдай себя всего,

Открой имъ душу всю,
Расширь глаза и слухъ настрой,
Чтобъ не теряя нѣжности своей
Въ пути сквозь двери тѣла твоего
Они вошли въ тебя
Во всей пѣвучей силѣ и красѣ
И съ тѣмъ слились,
Что лишь одно назваться можетъ—ты.

И въ этотъ мигъ узнаешь ты,
Чѣмъ я живу—черезъ меня и ты,
И почему я никогда не нагляжусь
На то, что внѣ меня,
И не наслушаюсь я почему
Звенящихъ голосовъ,
И почему, томясь въ тюрьмѣ,
Я такъ-же воленъ былъ,
Какъ и теперь, когда томлюсь
Въ другой тюрьмѣ—
Въ тѣснинахъ тѣла:

Мгновенья воли искупаютъ вѣчный плѣнъ.

КЛАДБИЩЕ.

Полями, бѣлыми отъ утренниковъ раннихъ,
Межами, видными межъ срѣзанныхъ хлѣбовъ,
Дорогами по твердымъ колеямъ
Иду на кладбище.

Навстрѣчу дѣвушка
Овецъ дрожащихъ гонитъ.
Въ глаза мнѣ смотритъ. Но въ улыбку
Губъ не раздвигаетъ,
И шерсть ея овецъ сѣра для пасторали.

Узорочье воротъ старинныхъ
Давно свалиться хочетъ.
Медлитъ: лучше завтра.
И ветхій сторожъ,
Завистливо косясь на однолѣтка,
Несетъ покойниковъ не подъ ворота,
А въ желтую смолистую калитку.

Вхожу и я въ калитку.
Кресты идутъ навстрѣчу,
Обступаютъ.
Все разные: вотъ синій, вотъ зеленый, красный,
И синій, голубой, опять зеленый, синій снова,
Синій, синій—видно, любятъ
Подъ землею этотъ цвѣтъ небесный!

Сколько, сколько! Новые, прямые,
Избушками, съ кольцомъ, съ лучами.
И старые, подгнившіе—иные
Совсѣмъ согнувшіе прямую спину.

Ужъ время стерло имена,
И непонятныя слова сложили буквы,
Еще не стертыя.
Но много образковъ: бумажныхъ, деревянныхъ,
Глядитъ изъ подъ навѣсовъ,
Придѣланныхъ рукой благочестивой,
Чтобъ дождь и снѣгъ святые лики не смывали.

А вдругъ кресты совсѣмъ меня обступятъ,
Дорожку заслонятъ, сбѣгутся близко-близко,
И закачаютъ головами,
Зашелестятъ, какъ камыши,

Протянутъ руки,
А подъ ногами чья-нибудь провалится могила—
Сгину въ ней,
Они завалятъ въ ямѣ
Меня и желтыя чужія кости...

Нѣтъ, разступитесь! Въ поле, въ поле!
Назадъ сквозь низкій, синій лѣсъ,
Въ калитку желтую
И въ поле,
Гдѣ воля удержу не знаетъ
И мчитъ, какъ первый зимній вѣтеръ.

ЛУНА.

Какъ высоко и мѣтко залетѣла!
Чтобъ увидать твое лицо,
Пустынное, безглазое, слѣпое,
Мнѣ надо голову закинуть и стоять,
Какъ древній звѣздочетъ, читающій созвѣздья.

Такъ тихо и немного грустно.
Меня ужъ не страшитъ безчисленность движеній
Въ глубинахъ синевы,
И странная мнѣ чудится согласность
Въ разбросанности пестрыхъ звѣздъ,
Луной замѣтно затемненныхъ,
Какъ будто научился я читать
Таинственные знаки.

А помню я иныя полнолунья:

Когда чертякой на родномъ болотѣ
Сидѣлъ и вылъ какъ песъ домашній,
Испуганный луной высокой,
Иль въ жесткую траву зарывшись,
Копытцами такъ жалко бился,
А по щекамъ, сожженнымъ солнцемъ,
Ребячьи набѣгали слезы.

Когда любовью вѣтренной обманутъ,
Одинъ ходилъ въ поля пустыя
И ждалъ,
Чтобъ дѣвушка явилась
Неслыханной красы и страсти
И отдалась мнѣ беззавѣтно,
И ничего мнѣ не являлось,
И только вѣтеръ въ утѣшенье
Веселую луну туманилъ.

Когда пришла любовь нежданно
И межъ деревьями по луннымъ пятнамъ
Водилъ я нѣжную подругу
Выискивая свѣтъ ярчайшій,
Траву мягчайшую для ложа,
Гдѣ-бъ таинство любви свершалось.

Когда опять игрой любовной
Въ пьянящемъ вихрѣ унесенный
За горы синія и горы,
Сверкающія вѣчнымъ снѣгомъ,
Въ какой-то замкнутой долинѣ
Кружился съ ней, меня умчавшей,
И наши тѣни,
Отброшенныя луннымъ свѣтомъ,
Въ ночной травѣ сплелись и бились—
Только тѣни.

Когда изъ малаго окошка,
Лицомъ къ желѣзу приникая,
Чтобъ полную луну увидѣть,
Я всетаки ея не видѣлъ,
А только зналъ, что полнолунье,
Что никогда я не увижу
Вотъ это полнолунье,
Сокрытый темнымъ склепомъ.

И вотъ еще иное
И лучшее изъ прежнихъ полнолунье:
Душа ясна и мчится,
Куда уноситъ воля;

Не сводъ—ночное небо,
А синее приволье,
И одиночество не ужасъ,
А первое велѣнье
Воли:
Такъ хочу я
Одинъ стоять въ просторѣ
Свѣтилъ, кругомъ плывущихъ,—
Невидимая точка
И колыбель вселенной.

ОСЕННІЙ ВИХРЬ.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Какъ взлетаютъ эти листья
Къ небесамъ пустымъ;
Какъ себя роняютъ листья
Вихремъ золотымъ—
Такъ стихи къ тебѣ взлетаютъ
Изъ моей глуши;
Такъ смолкаютъ, тлѣютъ, таютъ
Въ міровой тиши,
Чтобъ глаза твои сѣдые
Потемнѣть могли;
Чтобъ огни земли рудые
И тебя зажгли;
Чтобъ и ты опять дрожала,
Стала бы не та,
Чтобы ты сама сказала:
Осень—красота.

ВИХРЬ.

Ты опять ко мнѣ приникла,
Ты опять меня взяла.
Вихремъ огненнымъ возникла,
Мигъ замедлила, утихла,
Острымъ пальцемъ поманила,
Сѣрымъ глазомъ ослѣпила,
Мечъ лучей своихъ вонзила,
Сердце вольное зажгла.

И взлетѣла вихремъ, вихремъ.
Вьешься, вьешься въ вышинѣ;
Манишь въ высь слѣпящимъ вихремъ,
Въ золотомъ летишь огнѣ;
Стрѣлы, сыплемыя вихремъ,
Въ небѣ свѣтятся—не мнѣ;
Листья, сорванные вихремъ,
Вихремъ падаютъ ко мнѣ.

ОСЕНЬ.

И несешься въ дикомъ танцѣ—
Быстрымъ окомъ не догнать.
Только въ дѣвичьемъ румянцѣ
Страхъ у зорекъ увидать.
Только въ лиственномъ багрянцѣ
Горесть лѣса угадать.
Выше, выше, выше, въ синь,
Въ синеву своихъ пустынь!
Сердце, стой! Не бейся. Стынь.

Сердце, стань! Алѣютъ раны
Умирающей зари.
Осень смотритъ въ эти страны
На лѣса твои. Смотри.
Осень льетъ свои туманы
На поля твои. Умри.
Вотъ летитъ душа Смугляны,
Дочь послѣдняя Зари.

ПОЖАРЪ.

Ты прошла по этимъ странамъ,
Ты зажгла мои лѣса;
Ты окутала туманомъ
Золотые небеса;
Ты овѣяла дурманомъ
Дикой воли голоса.

Вонъ береза золотится,
Зеленѣла не она-ль?
Въ желтомъ золотѣ гнѣздится
Жизни тающей печаль.

Вонъ осина розовѣетъ.
Не была-ли зелена?
Каждый листъ тоской хмелѣетъ,
Вѣтка каждая хмельна.

Вонъ и кленъ, омытый кровью,
Ужъ не кленъ-ли незеленъ?
Нестерпимою любовью
Весь, высокій, истомленъ.

Ты зажгла свои пожары,
По моимъ прошла лѣсамъ;
Ты свои творила чары
По моимъ же небесамъ;
Ты моей не знаешь кары,
Такъ узнай: горю я самъ.

ГОРЯЩІЙ ЛѢСЪ.

Съ каждымъ часомъ нестерпимѣй
Лѣса пламеннаго жаръ;
Нѣтъ тебя неутомимѣй
Въ создаваньи лютыхъ чаръ;
Нѣтъ тебя неугасимѣй,
Этой осени пожаръ.

Желто-алая завѣса
Заслонила эти дни;
Дебри сумрачнаго лѣса
Лижутъ пестрые огни;
Глушь еловаго навѣса
Шепчетъ вѣткамъ: оттони!

И не только здѣсь, гдѣ алость
Ослѣпительна очамъ,
Но вездѣ невнятна жалость
Этимъ яростнымъ огнямъ;
Всюду имъ чужда усталость,
Всюду твой горящій храмъ.

Лишь обугленныя ели
Тьму зеленую хранятъ;
Но огни кругомъ взлетѣли,
Въ зелень темную летятъ,
И далекія метели
Въ вихрѣ огненномъ гудятъ.

ОГОНЬ.

Унесла меня. Сковала
Огневымъ кольцомъ лѣсовъ.
Желто, рыже, буро, ало—
Гулъ слѣпящихъ голосовъ.

Желтизна кричитъ: ослѣпни!
Сгинь!—мнѣ ржавчина кричитъ.
Листья бурые—какъ слѣпни.
Въ сердце алый цвѣтъ стучитъ.

Гдѣ ты? Гдѣ ты? За лѣсами?
Гдѣ ты, гдѣ? Явись! Вернись!
Я измученъ голосами,
Всѣ огни во мнѣ слились.

И одинъ огонь великій
Изъ лѣсовъ моихъ къ тебѣ
Неужели, буйноликій,
Не дойдетъ въ своей мольбѣ?

Неужели не освѣтитъ
Тотъ огонь твое лицо,
Предъ которымъ тихо свѣтитъ
Огневыхъ лѣсовъ кольцо?

И въ пустыняхъ глазъ спокойныхъ
Не зардѣетъ ничего
Отъ его метаній знойныхъ
И отъ алыхъ стрѣлъ его?

ОБРУЧЕНІЕ.

Затомила вихремъ дикимъ.
Полно мчаться. Отпусти.
Я опять хочу быть тихимъ,
Не огонь, цвѣты нести.

— Нѣтъ. Ты мой. Ты мой. Ты слышишь?
Видишь обручъ? Вотъ, надѣнь.
Ты моимъ дыханьемъ дышишь,
Отъ моихъ лучей твой день.

— Коли такъ, умчи скорѣе!
Мчи скорѣй. Еще. Вотъ такъ.
Чтобы только рѣки рѣя
Прорѣзали сизый мракъ.

Чтобы только отъ горящихъ
Золотыхъ моихъ лѣсовъ
Долеталъ въ огняхъ летящихъ
Гулъ осеннихъ голосовъ,

Чтобы только въ часъ вечерній
Душу сумерекъ я зналъ
И Смугляны между терній
Ликъ скорбящій созерцалъ.

ЛИКЪ СМУГЛЯНЫ.

Ликъ Смугляны—это женскій,
Это вѣчный, женскій ликъ,
Въ комъ сокрытъ огонь вселенскій,
Кѣмъ любовный часъ великъ.

Въ комъ душа тоски вечерней,
Сердце женскихъ всѣхъ скорбей,
Кто ребенка суевѣрнѣй
И пугливѣй голубей.

Эти дѣвушки, которыхъ
Никогда я не любилъ,
У Смугляны въ тихихъ взорахъ
Схоронили алый пылъ.

Эти женщины, которымъ
Я дарилъ себя на мигъ,
Лишь ея взираютъ взоромъ
На тоску своихъ веригъ.

Ликъ Смугляны—онъ со мною.
Мчи. Метай. Убей. А онъ
Вѣчно смотритъ глубиною
Сквозь закатный небосклонъ.

ЗАКАТЪ.

Но когда своей косою
Заметешь и небеса;
И одной твоей красою
Будетъ всякая краса;
И одной моей тоскою—
Золотые голоса;
И одной твоей рукою—
Всѣ горящіе лѣса,
Поманившей за собою
На такія чудеса,
Въ вихрь, зажженнаго судьбою
Огневого колеса—

Ликъ Смугляны, ликъ Смугляны
Затемнитъ свои черты;
Закатится за туманы
Поднебесной высоты;
И покинетъ эти страны
Плѣна, мукъ и маеты,
Гдѣ въ сіяющія раны
Нестерпимой красоты
Зори выльютъ на поляны
Кровь загубленной мечты.
Такъ погаснетъ ликъ Смугляны,
Если такъ захочешь ты.

ПЛѢНЪ.

Но не хочешь, ты не хочешь,
Далека и холодна.
Только морокомъ морочишь,
Только маревомъ сильна.

Только плѣнъ тебѣ отраденъ
А на волю—никогда.
Только къ пѣснямъ слухъ твой жаденъ,
Только мчитъ твоя звѣзда.

Все на свѣтѣ выносимо,
И тяжелый самый плѣнъ,
Если только воля зрима
Изъ тѣснинъ сомкнутыхъ стѣнъ.

Если только сердце знаетъ,
Что еще, еще—и вотъ
Солнце въ очи засверкаетъ,
Долгожданное придетъ.

Если жъ сладостной надежды
Никогда въ темницѣ нѣтъ,
Пусть глаза мнѣ скроютъ вѣжды,
Какъ сокрыли стѣны свѣтъ.

Пусть я сгину въ подземельѣ,
Жизнь въ могилѣ утаю,
Но твое глухое зелье
Не допью, а самъ пролью.

ЛИСТЬЯ.

Вотъ порывъ—и я на волѣ,
На сырой землѣ лежу.
Мчится вихрь въ осеннемъ полѣ,
Вижу. Сердца не бужу.

Вижу: крылья пролетаютъ.
Мимо. Въ даль. Въ огонь зари.
Листья грудь мнѣ осыпаютъ,
Только листья—посмотри.

Захотѣлъ и совершилось.
Разорвалъ кольцо-огонь.
Гдѣ оно со мной кружилось,
Только слѣдъ его погонь.

Только вѣтеръ тихокрылый
Вихри малые съ земли
Подымаетъ, чтобы силы
И послѣднія сожгли.

ПОЗДНЯЯ ОСЕНЬ.

Онъ упалъ. И я злораденъ,
И топчу его красу.
Вихрь осенній! Мнѣ отраденъ
Дымъ въ обугленномъ лѣсу.

Все, чѣмъ ты горѣлъ, метался,
Вотъ лежитъ у ногъ моихъ.
Отъ красы твоей остался
Только мой горящій стихъ.

Да на сердцѣ въ самой дали,
Отъ метаній огневыхъ
Боль стихающей печали
Тлѣетъ въ радостяхъ живыхъ.

Да на вѣткахъ почернѣлыхъ
Лѣса темнаго остовъ
Теплитъ искорки несмѣлыхъ
Догорающихъ листовъ.

Р А Д У Г А.

ЗЕЛЕНАЯ.

Вся въ зеленомъ, а глаза такъ и зовутъ,
Такъ зовутъ,
Руки гибкія объятія плетутъ.

Вся какъ ива. А уста лобзанья ждутъ,
Такъ и ждутъ,
А рѣсницы очи карія гнетутъ.

Вся лѣсная. А глаза летятъ и жгутъ,
Такъ и жгутъ.
Брови-прутики поломаны вотъ тутъ.

Вся моя ли? Да, моя. И ноги гнутъ,
Такъ и гнутъ
На земь-мать, гдѣ травы сильныя растутъ.

СѢРАЯ.

Въ сѣрой комнатѣ мелькаетъ,
Таетъ, вьется, пробѣжитъ,
Изогнулась, не дрожитъ.

Знаетъ, какъ красивѣй, знаетъ,
Отъ красы не убѣжитъ,
Каждой каплей дорожитъ.

Глазъ русалочій сверкаетъ,
Сѣрый глазъ бѣжитъ, бѣжитъ,
Вѣрность линій сторожитъ.

Гибкость тѣла не скрываетъ,
Захотѣла—обнажитъ.
Стала. Прыгнула. Лежитъ.

На, любуйся! Не ласкаетъ,
Только тѣломъ окружитъ,
Красотой заворожитъ.

Ахъ, отдайся!—Смѣхъ летаетъ:
Мраморъ съ кровью не дружитъ,
Страстный полдень весь изжитъ.

РОЗОВАЯ.

Розовая, быстрая, наивно полюбившая!
Желтенькіе волосы короною лежатъ,
Два крыла невидимыхъ стремительную мчатъ.

Кружится, наклонится, прильнула, все забывшая.
Розовою нѣжностью затеплился закатъ,
Розовыя искорки въ глуби зрачковъ дрожатъ.

Въ дальнемъ морѣ алости душей своей побывшая,
Розовыми розами кидается: горятъ,
Падаютъ и нѣжности цвѣтущей не щадятъ.

Яркость многоцвѣтную въ душѣ моей убившая:
Только цвѣтомъ розовымъ я веселъ и богатъ,
Только розовѣющимъ огнемъ твоимъ объятъ.

Зельемъ дикой радости мнѣ волю опоившая!
Только росы губъ твоихъ тоску мою пьянятъ,
Только розы дѣвичьи печаль мою стыдятъ.

Кровь со снѣгомъ вѣчности въ цвѣтъ единый слившая,—
Только утромъ яблони въ такомъ цвѣту стоятъ,
Только въ небѣ нѣжности такіе дни горятъ!

ГОЛУБАЯ.

Голубая, голубая, голубая!
Ты живая, или нѣтъ?
Здѣсь иль тамъ, въ туманѣ лѣтъ?

Въ синихъ волнахъ океана погибая,
Я услышалъ твой отвѣтъ:
Не люблю тебя я, нѣтъ!

И покорно эту голову сгибая,
Я покинулъ бѣлый свѣтъ
Для глубинъ, гдѣ свѣта нѣтъ,

Гдѣ прозрачность мнѣ сказала голубая:
У того, кто мной одѣтъ,
Сердца алаго вѣдь нѣтъ.

И печально подъ волнами голубѣя,
Палъ я въ бурный водоскатъ:
Пусть валы меня умчатъ.

Надо мною волны медленно слабѣя,
Голубой простерли платъ:
Пусть и зыби не пестрятъ.

И замкнулись бури, млѣя и робѣя,
Въ глухотѣ морскихъ палатъ,
Гдѣ и травы не дрожатъ,

Чтобы я, въ глуби недвижной голубѣя,
Тишиной всегда объятъ,
Зналъ, какъ любятъ и молчатъ.

ЗОЛОТАЯ.

Золотая. Золотятся перепутанныя косы.
А подъ золотомъ покатость розовѣющаго лба
Такъ наивна, такъ по дѣвичьи слаба.

Въ томъ же золотѣ и плечи, нѣжно-алые откосы,
Такъ покорно повѣствуютъ: эта женщина—раба,
Отдаваться—этой женщины судьба.

Но пугливыя зѣницы, зѣвы глазъ, слегка раскосы,
Но рѣсницъ бѣжитъ за взоромъ золотистая гурьба,
Но бѣлка сѣдая млечность голуба.

И сулятъ, какъ степь по осень, пышноцвѣтные покосы
Эти косы жатву страсти тѣмъ, чья вкрадчива мольба,
Чья надъ женщинами властность прихотлива и груба.

СИНЯЯ.

Глубина твоей стихіи—синева.
Цвѣтъ души твоей летящей—синева,
Темнота твоихъ мгновеній—облака.

По твоей моря тоскуютъ синевѣ,
Во твоей свѣтила свѣтятъ синевѣ,
И плывутъ въ туманѣ синемъ всѣ вѣка.

Что лила себѣ во взоры?—Синеву.
Что сказала васильку полей?—Сорву!
Жизнь твоя—привольно-синяя рѣка.

Въ небесахъ чего такъ мало?—Синевы.
Желтизны зачѣмъ такъ много у травы?
Только синь твоихъ безмолвій глубока.

Чѣмъ глядишь на жизнь цвѣтную?—Синевой.
Чей я, синяя? Ты знаешь, знаешь!—Твой.
Лишь въ тебѣ мнѣ жизнь едина и легка.

ЖЕЛТАЯ.

Двѣ змѣи лежатъ у ногъ.
Въ желто-черныхъ кольцахъ змѣи,
Чтобъ ты былъ сильнѣй и злѣе.

Чтобъ тогда ты только могъ
Цѣловать извивы шеи,
Тонкой кожи не жалѣя,

Если ступишь за порогъ
Женской яростной затѣи,
Этихъ змѣй убить умѣя,

Если ты на ложе легъ
Желтой ящерицы-феи,
Кровью этихъ змѣй алѣя.

И тогда лишь въ желтый логъ
Лѣсъ склонитъ свои увѣи,
Надъ твоею страстью вѣя,

Если смерть ты превозмогъ,
И въ тебѣ воскресли змѣи
Мертвыхъ змѣй сильнѣй и злѣе.

РЫЖАЯ.

Изогнулась, пріютилась на мѣха.
Бѣлымъ тѣломъ манитъ, тянетъ и томитъ.
Подойди—и опьянитъ.

И потянетъ, ранитъ прелестью грѣха,
Рыжимъ волосомъ опутавъ, утомитъ
Алымъ заревомъ ланитъ.

Ахъ, вѣдь волосы рыжѣй лѣсного мха!
Ахъ, возьми, томи, пускай душа горитъ,
Страсти близится зенитъ.

Ко всему такая женственность глуха:
Только жадный шепотъ рыжей говоритъ,
Только дикій взоръ манитъ.

СМУГЛАЯ.

Сыпься, сыпься, бѣлый снѣгъ!
Тѣмъ смуглѣе будетъ бровь,
Тѣмъ алѣе будетъ кровь.

Мчи насъ, мчи насъ, конскій бѣгъ!
Тѣмъ острѣе будетъ бровь,
Тѣмъ быстрѣе будетъ кровь.

Бейся, бейся, женскій крикъ!
Тѣмъ тѣснѣе будетъ кровъ,
Тѣмъ страшнѣе встрѣчный ровъ.

Прячься, прячься, смуглый ликъ!
Тѣмъ любовнѣй будетъ кровъ,
Тѣмъ внезапнѣй скаты рвовъ.

Сыпься, сыпься, пышный снѣгъ!
Ложе снѣжное готовь,
Чтобъ нѣжнѣй легла любовь.

Мчи насъ, мчи насъ, конскій бѣгъ!
Горячи густую кровь,
Чтобъ быстрѣй несла любовь.

БѢЛАЯ.

Какъ пряма и какъ строга,
Какъ стройна и какъ бѣла.
Бѣлизну ты гдѣ взяла?

Предъ тобой сѣры снѣга,
Предъ тобой зима смугла,
Бѣлизну ты всю взяла.

Какъ бѣла и какъ горда,
Какъ смѣла и какъ свѣтла,
Предъ тобою таетъ мгла.

Но по жиламъ кровь-руда
Алымъ зноемъ протекла,
Оттого ты такъ бѣла.

Для кого твоя рука
Перстень дѣвичій сняла,
Страсть того стрѣлой прожгла.

И, какъ твой огонь жарка,
По щекамъ и у чела
Бѣлымъ пепломъ пролегла.

ТЕМНАЯ.

Ты, темнолонная и тайнолонная,
Тебя узнать не суждено:
Кольцо другому отдано.

И никогда рука плѣненная
Не постучитъ въ мое окно,
Снѣгами скрытое давно.

И никогда, летя метелями,
Свистя свирѣлями, она
Не промелькнетъ въ снѣгахъ одна,

Чтобъ, охмелясь ночными хмелями,
Душа, мятежна и снѣжна,
Была и ей обручена.

И только пѣснями о нѣжности
Ея влекущей глубины
Пустыни бѣлыя полны,

И только кто-то зимней снѣжности,
Не нарушая тишины,
Ея разсказываетъ сны.

АЛЕНЬКАЯ.

Аленькая, маленькая, алый огонекъ,
Смотритъ, пригорюнилась: снѣжитъ луга снѣжокъ,
Какъ по снѣгу выступитъ сафьянный сапожекъ?

Охъ, запировалась я, подруженьки, охъ, ахъ!
Въ милыхъ загостилась я, подруженьки, гостяхъ,
Осенью пріѣхала, уѣду—снѣгъ въ поляхъ.

Да къ тому-жъ и горюшко свалилось на меня:
Рукавицу бабушкину обронила я,
Вязанная, теплая, и заячьи края.

Алая, на бѣленькомъ не майся ты снѣжку!
Пробирайся къ кожанному красному возку,
Первопуткомъ выкатимъ и вывѣтримъ тоску.

Вотъ того веселаго въ сукнѣ да соболяхъ,
Живо перегонимъ мы въ дорогѣ на поляхъ,
Чтобъ его подруга застыдила: ахъ, ты, ахъ!

Спряталась въ коричневый лохматенькій плащекъ,
Только изъ коричневаго свѣтитъ алость щекъ,
Скрылъ возокъ плащекъ, ея слѣдокъ замелъ снѣжокъ.

ЧЕРНАЯ.

Ахъ, кабы на эти плечи да рязанскій сарафанъ,
Жемчугъ въ косы, руки въ кольца, ноги въ бѣлку и сафьянъ,
Ты-бъ, красавица, чинила сердцу всякому изъянъ.

Ты-бъ, красавица, забыла Четіи, Псалтырь, псалмы,
Ты-бъ изъ кельи улетѣла, словно птица изъ тюрьмы,
Сердце кинула бы вихрямъ налетающей зимы.

И сама бы закружилась въ кругѣ снѣжныхъ, звѣздныхъ стай,
Заплясала бы метелицу: мети, метель, метай,
И меня, черницу, съ бѣлымъ вихремъ зимнимъ побратай.

Я изъ терема глядѣлъ бы, какъ летишь, летишь, летишь,
Воешь, мечешь, пляшешь, дуешь и летишь, летишь, летишь,
И отъ бурь легла-бъ на сердце неколеблемая тишь.

СТИХИ

О

СВЯТОЙ ЛЮБВИ.

СТИХИ О СВЯТОЙ ЛЮБВИ.

1.

Святая славится любовь
Простымъ сплетеньемъ робкихъ словъ,
Ручьемъ безхитростныхъ стиховъ.

Ихъ тѣло—камень, пламя—кровь.
Они нежданностью ясны
И незаконченны, какъ сны.

Они тройные: три строки.
Груститъ невѣста—первый стихъ,
Любимыхъ двое—два другихъ.

2.

Печать божественной руки
Легла немногимъ на чело.
Его чело ее несло.

Онъ былъ спокойный властелинъ
Природы, солнца и луны,
Печальной осени, весны.

Онъ былъ во всемъ и былъ одинъ,
Онъ міру цѣлому внималъ
И тайну въ очи цѣловалъ.

Онъ зналъ безвѣтріе небесъ,
Дыханье бурь и гулъ валовъ,
Онъ слышалъ много голосовъ.

Ему шепталъ и вѣрилъ лѣсъ,
Ему волну несла рѣка,
Надъ нимъ летѣли облака.

Онъ время велъ и каждый мигъ
Самъ зажигалъ и самъ гасилъ,
Любя рождалъ и хоронилъ.

Желѣзной тяжести веригъ
Отъ дѣтства гордо не надѣвъ,
Онъ былъ ягненокъ, змѣй и левъ.

3.

Она, нетронутая лань,
На перепутьи бытія
Стояла, робость затая.

Слѣпая жизнь живую дань,
Безглазымъ идоламъ - камнямъ
Ее готовила во храмъ.

Но смутно-смутно, словно сонъ,
Невнятной грусти змѣйка-нить
Кралась ей душу перевить.

И райскихъ струнъ неясный звонъ
Манилъ ее къ сіянью дня,
Огонь незажженный храня.

На солнце взоры устремивъ,
Она жила въ тиши пустой
У входа въ теремъ золотой.

Богаче, чѣмъ морской приливъ,
Она несла въ себѣ алмазъ
Стремящихъ къ счастью темныхъ глазъ.

Но, какъ пустыня безъ воды,
Забыла запахи цвѣтовъ,
И мощь корней и вкусъ плодовъ.

О вы, кто духомъ молоды,
Вставайте, будьте, какъ она,
Всѣ чаши выпейте до дна.

4.

Такъ теменъ, теменъ вечеръ былъ.
Такъ дологъ былъ вечерній часъ.
Огонь закатный въ мукахъ гасъ.

Въ кошмарѣ душный воздухъ плылъ.
Дорога шла, все шла, уставъ,
Полями, лѣсомъ, между травъ.

Лохматой грудой сталъ курганъ,
И стая сосенъ, старыхъ слугъ,
Надъ нимъ сковала вѣрный кругъ.

Они пришли, когда туманъ
Куренья бѣлыя кадилъ,
И вечеръ за горы уплылъ.

Передъ завѣтною чертой
Коснулся душъ людской испугъ,
Но сосны разомкнули кругъ.

Природа съ ласкою простой
Склонилась къ нимъ, сѣдая мать,
Дѣтей привыкшая ласкать.

Глаза просторные открывъ,
Онъ ясно близкое постигъ
И зажигалъ, любуясь мигъ.

Она, вся—нѣга, вся—порывъ,
Таить смятенья не могла,
Себя на радость отдала.

Онъ руку взялъ и взялъ ее.
Такъ близокъ сталъ, такъ былъ далекъ.
Такъ страненъ трепетъ теплыхъ щекъ.

Лицу ея—лицо свое...
Двойная вспыхнула душа,
Какъ міръ весенній хороша.

Ликуйте всѣ, кому дано
Носить огонь и зажигать
Судьбой рожденное сверкать!

Зарею небо зажжено.
Вонзился въ небо первый лучъ,
Такъ нѣжно алъ и такъ пѣвучъ.

Они зажгли свои костры,
Огни слились въ одинъ языкъ,
И въ немъ метнулся чей-то ликъ.

Сліянье брата и сестры—
То было первое родство,
Вселенской жизни торжество.

5.

Такъ прилетѣло утро къ нимъ.
И съ утромъ ангелъ прилетѣлъ,
Готовя свѣтлымъ ихъ удѣлъ.

Онъ былъ чудеснымъ и нагимъ,
Безъ пола, зависти и слезъ,
Нѣжнѣе, чѣмъ стволы березъ.

Два снѣжно-бѣлые крыла
Пространство отдали ему.
Онъ былъ подвластенъ лишь Тому,

Чья жизнь надъ жизнями была
Предвѣчнымъ, чистымъ родникомъ
И первымъ всѣхъ огней огнемъ.

Едва лучи своихъ лампадъ
Заря на небо принесла,
Они увидѣли Посла.

Сверканьемъ сталъ ихъ ясный взглядъ,
Тѣла—вселенной, богомъ—духъ,
И мракъ земли для нихъ потухъ.

Имъ очи ангелъ отворилъ,
Расширилъ теплыя сердца,
Чтобъ свѣтъ Небеснаго Лица

Перенести хватило силъ.
И міръ, сіяя, имъ предсталъ
Безъ жадныхъ, темныхъ покрывалъ.

Прекрасенъ былъ ихъ первый день,
Прекраснѣй всѣхъ пришедшихъ дней,
Смѣлѣе всѣхъ и всѣхъ яснѣй.

И Богъ сказалъ землѣ: одѣнь
Одежду лучше всѣхъ одеждъ,
Милѣе дѣвичьихъ надеждъ.

6.

Какъ хорошо владыкой быть
Не только неба и цвѣтовъ,
Но всѣхъ желаній, чувствъ и словъ.

Какъ хорошо въ себѣ носить
Всю власть, носить въ себѣ одномъ,
Надъ тѣломъ, духомъ и умомъ.

Какъ хорошо рабыней стать
Того, кто все въ себѣ несетъ,
Кто все даетъ и все беретъ.

Какъ хорошо себя сжигать
У золотого алтаря
Тебя зажегшаго царя!

7.

Трепещетъ пламенный закатъ.
Все небо въ желтомъ янтарѣ,
Вечерня служится зарѣ

Среди сіяющихъ палатъ,
И отъ зенита до земли
Не ходятъ тучи-корабли.

Вечерню слушая, стоитъ,
Стоитъ онъ въ полѣ на огнѣ,
На темномъ, старомъ валунѣ.

Лучами храмъ небесъ залитъ.
Душа лучами залита.
Весь міръ—безмолвные уста.

Приди—онъ медленно сказалъ
Кому-то жадному, кто былъ
Надъ нимъ въ пожарѣ алыхъ крылъ.

И темно-красный жаркій валъ
Его, сказавшаго, увлекъ
Въ кипящій пламенемъ потокъ.

Когда послѣдній лучъ погасъ,
На небо сумерки взошли
И звѣзды блѣдныя зажгли,

Тогда погасъ послѣдній часъ
Небесно-бѣлыхъ первыхъ дней,
Настали дни иныхъ огней.

8.

Онъ къ ней пришелъ и ей сказалъ:
Иди со мной. Тебя люблю.
Тебя любовью окрылю.

Шла ночь въ туманѣ покрывалъ,
Когда къ рѣкѣ они пришли
И поцѣлуемъ міръ зажгли.

Нѣтъ! Нѣтъ! То былъ не поцѣлуй,
То былъ огонь нездѣшнихъ сферъ,
Предѣлъ сознанья, чувствъ и мѣръ.

Онъ создалъ въ нихъ потоки струй,
Горячихъ, острыхъ, какъ металлъ,
Онъ ихъ уста огнемъ сковалъ.

Еще. Еще. Раскрытъ кивотъ.
И близкій Богъ въ глаза глядитъ.
Онъ радъ. Онъ зналъ. Онъ такъ велитъ.

Объятья рвутся. Мигъ растетъ.
Сверкаетъ тѣло. Все—одно.
Все—глубь, достигнутое дно.

Весь міръ—живое существо,
Двояко цѣлое. И въ нихъ
Оно истратилось двоихъ.

Такъ родилось еще родство:
Отнынѣ мужа и жены
Тѣлами души зажжены.

9.

Разсказъ простой, какъ міръ и Богъ.
Съ простой душой разсказанъ онъ,
Какъ разсказуемъ дѣтскій сонъ.

Съ прологомъ сходенъ эпилогъ:
Стихомъ, повтореннымъ здѣсь вновь,
Святая славится любовь.

СКАЗКИ.

КАСЬЯНЪ.

ДЕРЕВЕНСКАЯ СКАЗКА.

КАСЬЯНЪ.

Охъ, руки трясутся,
И старые пальцы съ натугою гнутся.
Скрипитъ голосина,
Какъ въ полѣ на вѣтрѣ сѣдая осина.
Я пѣсельникъ старый, а старое помню.
Охъ, помнюшки-помню! Забуду—припомню.
Давнымъ давно сбытое,
Всѣми забытое,
Старымъ, мной старымъ однимъ
Помнится, видится будто сквозь дымъ.

Эй, молодайки да парни, смекайте,
Уши вострите.
Мимо, ой мимо, вы, вѣтры, летайте,
Гамъ-то свой, птахи, уймите!
Самъ запою, заиграю вамъ самъ
Всѣмъ-то перстамъ по струнамъ,
Ой, по струнамъ золотымъ!
Тѣмъ голосиной своимъ
Охъ, начинаю, пою
Матка-старинка, старинку твою.

Какъ назвалась, да звалась, все равно—
Эта деревня стояла давно.
Жили да были, да что за житье!
Хлѣбъ на ѣду да вода на питье.
Бабы въ деревнѣ рожать молодцы.
Въ семьдесятъ тоже бывали отцы.
Словно грибовъ, не обраться ребятъ,
Бѣлыхъ гусей али черныхъ галчатъ.
Всѣ хороши, да одинъ не хорошъ,
Словно зачалъ его матери Кошъ.

Баба какъ баба, дородна, бѣла.
Съ мужемъ жила и ребятъ нажила.
Трое на радость, четвертый на злость.
Пятый—вотъ этотъ—Кощеева кость.
Ей бы его въ первый день да на дно,
Кануло бъ чертово книзу бревно.
Ей бы его да въ болото снести,
Было бъ трясинѣ чье мясо трясти.
Ей бы... Да баба, извѣстно, глупа,
Бѣса пустила къ житью со слѣпа.

Высосалъ мать, отпоился Касьянъ.
Каждый денекъ отъ Касьяна изъянъ.
Только лишила груди его мать,
Стала темнѣть, какъ трава, засыхать.
Только ступилъ онъ на землю ногой,

Чертовымъ сдѣлался вѣрнымъ слугой.
Мечетъ и рветъ, а ребенку годокъ,
Самъ, какъ двухлѣтній, силенъ да высокъ.
Все бы измять, разорвать, растоптать,
Плачетъ надъ сыномъ Касьянова мать.

Палецъ обрѣзалъ, и кровь потекла.
Впился и пьетъ, оторвать не могла.
Мясо на праздникъ купила—онъ тутъ,
Красныя губы на кровь такъ и льнутъ.
Птица—увидитъ—насѣдка сидитъ,
Яица выпьетъ, гнѣздо разоритъ.
Червь-ли, змѣя по травѣ проползетъ,
Пальцами сдавитъ, объ камень убьетъ.
Красныя губы и яростный взглядъ,
Всѣ про Касьяна въ селѣ говорятъ.

Выросъ, охъ, выросъ Касьянъ на бѣду,
Легкій на пѣсни, тяжелый къ труду.
Лѣтомъ дѣвченку въ болото увелъ.
Сказывалъ, Лѣшій ее запоролъ.
У самого-то глаза такъ и жгутъ,
Пальцы вотъ такъ и снуютъ.
Волосы спутаны. Видно, въ лѣсу
Съ Лѣшимъ себѣ наводилъ онъ красу.
Эхъ-бы убить, да осиной забить!
Нѣтъ, допустили Касьяна пожить.

Старшей сестрѣ привели жениха.
Тутъ-то и ждать отъ Касьяна грѣха.
Сталъ онъ сестру подъ вѣнцомъ величать,
Впился ей въ ротъ, нѣту силъ оторвать!
Волокомъ по полу ихъ волокли.
Сколько тянуло—разнять не могли.
Съ церкви на паперть, да нá земь—глядятъ:
Мертвыя очи невѣсты стоятъ.
Полемъ бѣжитъ—догони-ка!—Касьянъ,
Кровью невѣстиной, сестриной пьянъ.

Стали Касьяна бояться съ тѣхъ поръ.
Гонятъ съ крыльца, не пускаютъ на дворъ.
Сталъ онъ запутывать малыхъ дѣтей
Путами злобныхъ бѣсовскихъ сѣтей.
Хочешь, миленка, цвѣточекъ сорву?
Глядь—ужъ дѣвченка катится ко рву.
Хочешь, курченокъ, свирѣль изъ коры?
Глядь—ужъ мальченка считаетъ бугры.
Тутъ и ребята Касьяна бѣжатъ,
Все жъ загубилъ онъ немало ребятъ.

Время Касьяну жениться пришло.
Дѣвкамъ тоскою сердца залегло.
Какъ тутъ пойти? Да и какъ не пойти?
Силы бѣсовской никакъ не уйти.
Вотъ завели на бугрѣ хороводъ.

Кто-жъ за Касьяна, подруги, пойдетъ?
Ты-ли? Да я-ль? Не она-ль? Или ты?
Щеки кровавой зарей залиты.
Чѣмъ-же Касьянъ, ну-ка, чѣмъ не женихъ?
Вѣрно, любиться Касьянушка лихъ!

Выбрали Линку, Акульку-красу.
Алую кровь, золотую косу.
Я-ли, подруги, Касьяна боюсь?
Я и съ медвѣдемъ сама обойдусь!
Я-ль... да вотъ вы посмотрите, какъ мы
Ляжемъ съ Касьяшей въ луга за холмы.
Дѣвки хохочутъ, а къ ночи пришли,
Кругомъ цвѣточнымъ вокругъ залегли.
Будутъ еще черезъ мѣсяцъ вѣнчать.
Какже любви безъ вѣнца не начать?

Посерединѣ невѣста сидитъ.
Или сробѣла, со страху молчитъ?
Дѣвичій-ль стыдъ ко щекамъ подступилъ,
Кровью и плечи и руки залилъ?
Новый, какъ поле, цвѣтетъ сарафанъ.
Важно подходитъ съ поклономъ Касьянъ.
Ой вы, подружки, я выбору радъ.
Только ужъ, дѣвка, не пяться назадъ!
Буду любить изо всѣхъ своихъ силъ.
Шепчетъ невѣста: Касьяша мнѣ милъ.

Трижды невѣсту цѣлуетъ Касьянъ.
Трижды снимаетъ ей силу румянъ.
Съ трехъ поцѣлуевъ бѣлѣетъ она,
Будто ее освѣтила луна.
Трижды онъ къ бѣлымъ грудямъ припадалъ,
Алыя губы грудей цѣловалъ.
Трижды склонялась—склонилась она.
Иль ужъ невѣста любовью хмельна?
Всталъ красногубый Касьянъ, словно ночь:
Съ мертвой любиться никто не охочъ.

Дѣвки къ подругѣ. Завыли, вопятъ.
Будь ты, двуклятый, и трижды проклятъ!
Гдѣ ты, подруга, смеретку нашла?
Съ бѣсомъ зачѣмъ ты на травку легла?
Охъ, какъ бѣла, какъ бѣла ты, охъ, охъ!
Сѣръ предъ тобою старикъ бѣлый мохъ!
Ахъ, какъ тиха, какъ тиха ты, ахъ, ахъ!
Всѣ-то подруги ослѣпли въ слезахъ.
Какъ же мы смерть подпустили къ тебѣ?
Какъ мы не встали навстрѣчу судьбѣ?

Полно, подруги, покой ей мутить.
Надо Касьяна, подруги, убить.
Эй, ты, женихъ! Эй, Касьянъ! Гдѣ же ты?
Смотрятъ: сидитъ на пескѣ, у черты.
Чертъ очертилъ или самъ—подойдешь,

Рада, коль ноги назадъ унесешь.
Стали кольцомъ и вопятъ и клянутъ,
Бога крестьянскаго въ помощь зовутъ.
Ты намъ подругу навѣки сгубилъ.
Смерть тебѣ Богъ деревенскій судилъ.

Гнется, молчитъ, костенѣетъ Касьянъ.
Или что новое мутитъ смутьянъ?
Вдругъ усмѣхнулся. Пора помирать?
Ладно. Умѣю и смерть принимать.
Только умѣючи надо убить.
—Какъ-же, Касьянъ?—Ужъ не мнѣ-ли учить?
Ну да ужъ ладно. Сейчасъ научу.
Все то смѣется. Ну слушайте, чу!
Дѣвки пригнулись и уши вострятъ,
Слова не выронятъ, крѣпко молчатъ.

Въ старой березѣ найдите дупло.
Вздуйте огонь, напустите тепло.
Бабьяго капните тамъ молока,
Чтобъ мнѣ смеретушка стала легка.
Выползетъ червь. Оторвать ему хвостъ.
Кинуть червя за плечо на погостъ.
Сами раздѣньтесь. Придвиньтесь къ стволу.
Стойте и слушайте черную мглу.
Вскрикнетъ надъ рѣчкой пѣтухъ поутру,
Тутъ я, Касьянъ, и помру.

Вспыхнули дѣвки и бросились прочь
Дѣла-то много на лѣтнюю ночь!
Живо березу пустую нашли,
Живо во рту молока принесли.
Тлѣетъ огонь, и закинутъ червякъ.
Голыя слушаютъ утренній мракъ.
Крикнулъ пѣтухъ. И бѣгутъ нагишомъ
Съ крикомъ и гикомъ, въ весельи большомъ.
Мертвый-ли мертвой невѣсты женихъ?
Смотрятъ и вправду: застылъ и затихъ.

Ну ужъ и радость была на селѣ!
Все то село было навеселѣ.
Какъ поминали Касьянову смерть,
Водкой заплескали Божію твердь.
Какъ хоронили Касьянову кость,
Горе размыкали бѣсу на злость.
Вотъ ужъ теперь-то село заживетъ,
Только Касьянушку попъ отпоетъ!
Съ радости умъ да за разумъ зашелъ:
Вбить позабыли осиновый колъ.

Съ похоронъ этихъ трехъ дней не прошло,
Болѣстью трехъ малышей унесло.
Время недѣлѣ другую встрѣчать—
Двухъ мужиковъ понесли отпѣвать.
Умерло трое къ девятому дню,

Все-то Касьянову коситъ родню.
Дальше, да гуще, да больше покосъ.
Мѣсяцъ невѣдомо сколько унесъ.
Взвыло село, хоть съ погоста нейди,
Сзади кресты да кресты впереди!

Это Касьянъ свою дѣетъ судьбу,
Знамо, лежитъ да поганитъ въ гробу.
Знамо, лежитъ, свои пальцы грызетъ,
Вотъ оттого-то народъ-то и мретъ.
Выгрызъ мизинецъ, знай, моръ на ребятъ.
Выгрызъ большой—и большіе лежатъ.
Выгрызъ середній—середка села
Скошена въ корень, какъ сѣно, легла.
Пальцевъ-то много, а больше людей
Выморилъ моромъ Касьянъ-лиходѣй.

Вывелъ село, видно, мало ему.
Да и сидѣть нелегко въ терему.
Вылѣзъ изъ гроба, продрался насквозь.
Пальцы изъѣдены, бѣльма-то врозь.
Саванъ волочится. Волосы—лѣсъ.
Все разбѣжалось съ земли до небесъ.
Только кресты на кладбищѣ торчатъ,
Да нанесло къ мертвецамъ воронятъ.
Какъ закричитъ тутъ Касьянъ со всѣхъ силъ,
Только кресты повалились съ могилъ.

Голосу мало. Да колоколъ есть.
Можно и въ саванѣ къ маковкамъ влѣзть.
Всю колокольню, какъ влѣзъ, зашаталъ.
Било зубами схватилъ, закачалъ—
Разъ! И кругомъ, надъ селомъ, словно громъ
Мѣднымъ огнемъ загудѣло: бамъ, бомъ!
Малые сами звонятъ: звонъ силенъ.
Слышно далеко на много сторонъ.
Только услышитъ кто, мертвымъ падетъ.
Смертный набатъ, знать, Касьянушка бьетъ.

Краюшкомъ уха я слышалъ набатъ:
Пальцы со страху доселѣ дрожатъ.
Крикнулъ, какъ всякій съ испугу кричитъ:
Голосъ доселѣ скрипитъ.
Съ крикомъ бѣжалъ отъ Касьянова зла:
Гдѣ я бѣжалъ, тамъ трава поросла.
Только по памяти травъ не растетъ.
Всякую быль кто-нибудь сбережетъ.
Злую Касьнову быль я сберегъ,
Спѣть ее сѣлъ на хозяйскій порогъ:

Ой, хозяева, смекайте!
Уши вострили.
Теперь угощайте.
Много мнѣ, много вина подносили;
За эти за пѣсни и много—немного.

Дорога да пѣсня и снова дорога.
Я пѣсельникъ старый, годовъ не запомню,
А старое помню, охъ, помнюшки-помню!
Хожу да пою. Эй, скрипи, голосина,
Какъ въ полѣ на вѣтрѣ сѣдая осина!

Я Г А.

СТАРАЯ СКАЗКА.

Я Г А.

1.

За горами, за полями, за стоячими лѣсами,
За трясучими водами, за кипучими ключами,

Въ томъ оврагѣ, гдѣ веселое звѣрье звѣрьемъ плодилось,
Гдѣ Козява-хохотунья надъ репейникомъ кружилась;

Гдѣ рождалось, проживало, умирало, засыхало
Всякой твари, дикихъ ягодъ, ядовитыхъ травъ немало;

Гдѣ коню да человѣку ѣхать вѣкъ и не проѣхать,
Гдѣ людскому крику-гику злыя заросли помѣха;

Гдѣ все гуще, непроглядней перепутанныя чащи,
Гдѣ кусты да междеревки поросли травинокъ чаще;

Вотъ въ такихъ мѣстахъ далекихъ, въ самой-самой темной пущѣ,
Въ душныхъ дебряхъ, въ сердцѣ лѣса, въ самой-самой тѣсной гущѣ,

Дубъ рукой-клюкой схвативши желудковый-кряковистый,
А ногою костяною въ пень упершись землянистый,

Залегла, лежитъ и пышетъ, землю пьетъ Яга-старуха,
Губы въ тинѣ, глазъ на выкатъ, носъ въ болото, кверху ухо.

Въ волосахъ навиты гнѣзда, подъ локтемъ осиный улей,
По рукамъ, въ морщинахъ кожи ходы ящерицъ, козюлей.

По щекамъ, погодой взрытымъ, разъ въ сто лѣтъ ручей катится,
За сто лѣтъ слеза, смывая соръ со щекъ, течетъ—струится.

За сто лѣтъ лежачихъ, сонныхъ, за сто лѣтъ, пустыхъ, дремучихъ,
Тотъ ручей-слеза соленый въ струйкахъ мечется текучихъ.

Вся-то жизнь въ одной надеждѣ, не придетъ ли въ логъ забытый
Пастушекъ быковъ небесныхъ ливнемъ облачнымъ омытый;

Не придетъ-ли поцѣлуемъ въ губы, тиной залитыя,
Возвратить лѣсной старухѣ годы жизни золотыя;

Годы молодости алой, плясокъ, пѣнья, зазыванья,
Синеглазой дикой воли зацвѣтанья, ликованья.

Лѣсъ цвѣтетъ и опадаетъ, бури—вѣтры пролетаютъ.
Съ неба снѣги упадаютъ, обѣляютъ, тихо таютъ.

Все лежитъ, и ждетъ, и смотритъ, не стерпѣвъ застонетъ глухо,
Тянетъ пьяный сокъ кореньевъ и губой трясетъ старуха.

2.

А въ небѣ высокомъ,
На полѣ широкомъ
Подпасокъ Велеса,
Пастухъ облаковъ,
Коровъ и быковъ,
Рогатыхъ, крылатыхъ,
Дождями богатыхъ,
Летучихъ, ползучихъ,
Надъ зеленью лѣса,
На облачныхъ кручахъ,
Пасетъ и пасетъ,
Тоскуетъ, поетъ:

Свирѣль моя изъ ивы,
Велесъ ее сверлилъ.
Стада небесъ гульливы,
Небесный лугъ постылъ.

Спущусь въ лѣса, на игры
Русалокъ водяныхъ.
Пускай рудые тигры
Пожрутъ коровъ моихъ.

И вотъ ужъ не въ полѣ—
Въ зеленой неволѣ
Подпасокъ Велеса—
Въ туманѣ листовъ,
Въ чащобѣ стволовъ,
Горбатыхъ, мохнатыхъ,
Корнями богатыхъ,
Столѣтнихъ, живучихъ,
По зарослямъ лѣса
Межъ вѣтокъ колючихъ
Идетъ и идетъ,
Тоскуетъ, поетъ:

Свирѣль моя изъ ивы
Звончѣе, чѣмъ ручей.
Русалки всѣ красивы.
Звени, свирѣль, звончѣй.

Въ водѣ увижу плечи
И волосы—траву.
Откину мѣхъ овечій,
Съ русалкой уплыву.

3.

Вотъ Яга подпаска видитъ
Изъ-за тучъ тяжелыхъ вѣждъ.
Горше старость ненавидитъ
У источника надеждъ.

И натуживъ голосъ старый,
Новой силою жива,
Какъ громовые удары,
Ронитъ тяжкія слова:

Ты какъ вѣтеръ, ты какъ воля,
Ты какъ солнце въ высотѣ.
Охъ, тяжка моя неволя,
Послужи ты красотѣ!

Что твоимъ устамъ цвѣтучимъ
Поцѣлуй въ сухіе мхи?
Помню я желаньемъ жгучимъ,
Какъ цѣлуютъ пастухи.

Я ждала тебя немало:
Желудь выросъ, дубъ загнилъ,
Лѣсъ болото засосало,
Вѣтеръ горы распылилъ.

Ты красавицу изъ плѣна
Поцѣлуемъ возвратишь.
Преклони землѣ колѣно,
Поцѣлуй лѣсную тишь!

Обольщенъ словами старой,
Какъ земля, сѣдой Яги,
Внукъ Велеса молвилъ: даруй,
Сердце! Горю помоги!

И поползъ по вѣткамъ частымъ,
Гнѣзда гадовъ распугавъ,
По кореньямъ коренастымъ,
Въ сѣткѣ цѣпкихъ, липкихъ травъ.

Въ паутинѣ, въ желтой тинѣ,
Растопыренныя врозь,
Губы сохнутъ. Двѣ пустыни
Пропасть дѣлитъ наискось.

И пастухъ, дыханьемъ смраднымъ,
Оглушенъ, уста—цвѣты
Наклонилъ къ пустынямъ жаднымъ
И застылъ у темноты.

Не гора упала въ воду,
Не въ болото канулъ лѣсъ,
Не вѣдунъ рожденъ народу,
Не Велесъ сошелъ съ небесъ:

Зашаталась, закрутилась,
Куча тучей поднялась,
Зорька въ небѣ затемнилась,
Буря снизу занялась,

И изъ облака сухого,
Изъ-за тучи, какъ заря,
Свѣтомъ вихря золотого
Лѣсъ косматый озаря,

Красота земли родимой
Яснолика, весела,
Поднялась Яга изъ дыма,
Краше солнца зацвѣла.

Первый шагъ ступилъ несмѣло,
Легче лета вѣтерка.
И цвѣтами запестрѣла
Глушь лѣсного тупика.

Околдованный, не вѣря,
У корней лежитъ пастухъ.
Слабъ и тихъ. Въ душѣ потеря.
Молодой огонь потухъ.

Только видитъ, что красива,
Такъ красива, нѣту силъ!
И цвѣтетъ лѣсная нива,
Словно холмики могилъ.

Только слышитъ, что смѣется,
Такъ смѣется, все надъ нимъ!
Отошла. Взлетѣла. Вьется.
Надъ землей крутится дымъ.

4.

То не вѣтры изъ ущелій,
Черноустыхъ горныхъ щелей,
Налетѣли, засвистали, закрутили, понеслись;
И не листья вихремъ взвились,
И не птицы закружились,
Буйной стаей заметались, закричали, сорвались:

Алой кровью налитая,
Запѣвая, возлетая,
Заплясала молодая, тѣломъ гибкая Яга
Плясъ змѣиный,
Плясъ звѣриный,
Свѣтлой бурей налетѣвшій на лѣсные берега.

Треплетъ пляска надъ цвѣтами,
Надъ цвѣточными устами,
Первый плясъ Яги—плясуньи разомлѣлой, вихревой;
Алымъ тѣломъ помыванье,
Темной груди колыханье,
Ногъ косматыхъ лобызанье съ обезумѣвшей травой.

Мчитесь, вѣйтесь, разлетайтесь,
Тучи, съ небомъ разставайтесь,
Стадо, брошенное въ небѣ, покидай свои луга!
Не заката злыя пасти,
Не тенета темной власти.
Нѣтъ, плясунья, хохотунья, гонитъ на небо Яга.

На губахъ бѣлѣетъ пѣна,
Плясъ второй—землѣ измѣна.
Съ темныхъ глазъ змѣятся стрѣлы стрѣламъ солнца на пути.
Крылья волосы взлетаютъ,
Выше пляску подымаютъ,
Въ высь и синь, куда и птицамъ голосовъ не донести.

Залетѣла въ холодъ синій,
Синей крикнула пустынѣ,
И по небу перегнулась семицвѣтная дуга.
И быстрѣе желтой рыси,
Съ самой выси
Перемчалась внизъ на волны моря-озера Яга.

Гребни вздыбились сѣдые,
И пески со дна рудые
Золотистыми смерчами побѣжали надъ водой.
Птицей—рыбой замелькала,
И съ волнами заплясала
Третій плясъ Яга—плясунья водяницей молодой.

Притомился буйный вѣтеръ,
Наклонился сизый вечеръ:
Перестань, Яга, не мучай, подломились берега!
И хохочетъ, кажетъ жало:
Я вѣдь долго не плясала!—
Отплясавшая три пляса тѣломъ алая Яга.

5.

Синеглазки, сизокрылки,
Сестры Росы, три бобылки,
Пали въ поле отъ печали.
Травы влагой засверкали.

Не на небо милый братикъ,
Блѣдный мѣсяцъ залетаетъ;
Изъ лѣсовъ пастухъ лунатикъ
По сырой травѣ ступаетъ.

Сбились волосы вѣночкомъ,
Взглядъ потупленъ, сердце пусто.
Сестры Росы по цвѣточкамъ
Ходятъ, тѣшатъ алоуста.

Дружно ночи подѣлили:
Ночка первая—Цѣлящей.
Ночь вторая—Разлюбили.
Третья—Силу-Наводящей.

Вечерница напахнулась,
Быстро съ неба ночь скатилась.
И Цѣлящая метнулась,
Къ пастуху на грудь склонилась.

И цѣлуетъ лобъ вѣнчанный,
Шепчетъ шепотъ долгожданный:
Милый, ласковый, желанный,
Мѣсяцъ небушка туманный,
Поцѣлуемъ опьянись,
Исцѣлись, исцѣлись!
Алымъ цвѣтомъ зацвѣти,
Болѣсть въ поле отпусти.

Вечерница напахнулась,
Снова съ неба ночь скатилась,
Разлюбиль съ травы метнулась,
Къ пастуху на грудь склонилась.

И цѣлуетъ брови—рѣки,
Зашептала шепотъ нѣкій:
Опусти на землю вѣки.
Разлюби ее навѣки,
Позабудь и разлюби,
Сердце мукой не зноби.
Разлюби ее, забудь,
Птицей вольной снова будь.

Вечерница напахнулась,
Третья съ неба ночь скатилась.
Наводящая метнулась,
Къ пастуху на грудь склонилась.

И цѣлуетъ сердцевину,
Сердце, взявшее кручину,
Шепчетъ шепотъ: господину
Сѣю силу во цѣлину.
Сила сильная, роса—
Молодецкая краса.
Силой сердце напою,
Выю выпрямлю твою.

Синеглазки, сизокрылки,
Сестры Росы, три бобылки,
Ночи въ полѣ ночевали,
Пастушенка пестовали.

Не на небо братикъ милый
Ясный мѣсяцъ возлетаетъ:
Полевыя выпивъ силы
По травѣ пастухъ ступаетъ.

Волоса, какъ вѣнчикъ ясный,
Сердце взорами сіяетъ.
Сестры Росы пологъ красный
Въ синемъ небѣ раздвигаютъ.

И Велесъ золотострунный
Пастуху глядитъ навстрѣчу,
Гладя облакъ бѣлорунный,
Дня туманнаго предтечу.

Л І Я.

ЛѢСНАЯ СКАЗКА.

ЛІЯ.

Въ дебряхъ лѣса заблудившись, смольнымъ воздухомъ упившись,
Созерцая межъ стволами, красноватыми отъ цвѣта
Облекавшей ихъ коры,
И отъ тающаго свѣта
Солнца, плывшаго надъ лѣсомъ послѣ яростной игры,
Межъ стволами созерцая заплетенья темной хвои,
Что клоками нависала, своды высила и, сбившись
Въ черный узелъ, знакъ давала, что на этомъ мѣстѣ двое
Страшныхъ, сильныхъ и огромныхъ, двое, можетъ быть, и трое
Для любви сходились страстной, задыхаясь въ желтомъ зноѣ,
И любовью упивались, и въ любви сплетясь какъ въ боѣ,
Мяли мохъ и хвою сосенъ, на одрѣ душистомъ слившись,
Созерцая лѣсъ измятый, шелъ, предчувствуя смятенье,
Изъ окрестнаго селенья
Я, пѣвецъ любви летящей, уносящей за предѣлы
Тѣла, радостно кующаго душѣ ограниченья,
Шелъ, и образы мелькали, неожиданны и смѣлы,
Крылья новаго творенья.

Вдругъ поодаль, на опушкѣ, гдѣ спускался лѣсъ къ озерамъ,
Свѣтлымъ, круглымъ и бездоннымъ очесамъ въ земное лоно,
Я застылъ, какъ пораженный Бога яростнаго взоромъ,
Иль охваченный внезапнымъ, цѣпѣнящимъ тѣло моромъ,

Провѣряя впечатлѣнье мыслей медленнымъ просторомъ,
Принесенное глазами въ мозгъ, застывшій, какъ у склона
Горной щели стынетъ дѣва,
Заглядѣвшись въ черноту пустого зѣва,
И провѣривъ, увидалъ я то, что, зналъ я, было сказкой,
Было бредомъ иль созданьемъ необузданнаго гнѣва,
Иль вершающей развязкой
Единенья двухъ чудовищъ и мужского злого сѣва,
Красотѣ людей понятной убивающимъ укоромъ,
Торжествомъ смѣшной причуды и уродливости вязкой.

Я видалъ красивыхъ женщинъ и несчастныхъ некрасивыхъ,
Пилъ забвеніе у тѣла въ утоляющихъ порывахъ;
Знаю, какъ подходятъ плечи къ высотѣ упругой шеи,
Подъ косою золотистой, или рыжей, или черной ослѣпительно бѣлѣя;
Знаю, какъ плетутъ объятья руки знойныхъ и сонливыхъ;
Какъ колышатся отъ страсти груди дѣвушекъ строптивыхъ
И стыдливо поникаютъ у любовницъ прихотливыхъ;
Знаю, какъ бываетъ тонокъ станъ въ уклонахъ горделивыхъ;
Какъ стройны бываютъ ноги: чѣмъ стройнѣе, тѣмъ смѣлѣе.
Я видалъ, я знаю тѣло неподвижнымъ и летящимъ,
Охладѣлымъ и горящимъ, одинаково томящимъ;
Оттого въ лѣсу дремучемъ
Былъ я трепетомъ охваченъ предъ лѣснымъ видѣньемъ жгучимъ
И застылъ въ плѣну тягучемъ,

Непонятною загадкой, мнѣ представшей, странно мучимъ,
Задыхаясь и нѣмѣя отъ стремленій суетливыхъ
Этотъ сонъ у жадныхъ дебрей вырвать домысломъ разящимъ.

Я не знаю, что-же было: лѣсъ, иль женщина лѣсная?
До сихъ поръ, проживши годы, вспоминая, я не знаю.
Межъ деревьями, я видѣлъ, тѣло женское алѣло.
(Иль ствола съ корою снятой нѣжно розовое тѣло
Такъ обманно закрывала лѣса занавѣсь сквозная?)
Руки длинныя тянулись, измѣняясь, извиваясь,
И лицо таилось въ чащѣ, темной зеленью скрываясь.
(Иль сквозила только сѣтка мелкихъ листьевъ вырѣзная?)
Два же глаза, несомнѣнно темной бездной усмѣхаясь,
Зазывая ближе, ближе, такъ призывно улыбаясь,
Изъ зеленыхъ листьевъ ярко, упоительно и смѣло,
Какъ два озера сверкали. Отъ сверканья сердце млѣло,
И стѣсненное дыханье съ тяжкимъ стономъ вырываясь,
Прерывалось, и казалось: все простое отлетѣло.
Чудеса настали властно. И сама того не зная,
Подчинялась воля зову яркихъ глазъ, горѣвшихъ ясно,
И противился напрасно разумъ медленный, напрасно:
Стало близкимъ, неизбѣжнымъ то, что грезилось ужасно.
И шатаясь, тяжкимъ шагомъ подошелъ я, задыхаясь.
Вижу: ноги душный верескъ подымаютъ, въ мохъ врываясь
Разогнулись, въ кругъ впустили. Я упалъ на верескъ красный.

Вѣтки гнутся. Зелень душитъ, наклоняясь.
Гдѣ же тѣло, издалека мной увидѣнное тѣло,
Что межъ зеленью обманной такъ слѣпительно алѣло?
И къ лицу огнемъ прильнула обжигающая страстно,
Да, я знаю, видѣлъ, чуялъ,—грудь высокая, лѣсная.
И глуша зеленой страстью, все смѣлѣй въ своихъ уколахъ
Хвоя рукъ лѣсныхъ нагнулась къ кольцамъ рукъ моихъ тяжелыхъ.
И надъ самымъ, самымъ взоромъ, удаляясь, приближаясь,
Знойнымъ запахомъ медовымъ въ сердце слабое вливаясь,
Два сіяющихъ какъ солнце, нѣтъ, два солнца, знаю, знаю,
(На восходѣ наблюдалъ я, такъ у солнца красота глядитъ цвѣтная)
Тѣ два глаза встали ясно, безвозвратно и прекрасно,
И все кончилось, что было, что зовется: жизнь земная.
И надъ тающимъ сознаньемъ воцарилась жизнь иная,
Незнакомая, чудная, неожиданно родная.

И сейчасъ же въ поцѣлуѣ, въ первомъ жарѣ поцѣлуя,
Я услышалъ странный голосъ—нѣтъ не голосъ—звукъ печальный,
Будто посвистъ Вѣтровоя надъ страной какой-то дальный,
Будто шипъ ползучій Змѣя, звукъ далекій, изначальный,
Такъ настойчиво спросившій, душу плѣнную милуя,
Такъ сурово произнесшій отвратительное слово,
Этотъ трижды, трижды, трижды проклинаемый глаголъ:
«Вспомнилъ? Вспомнилъ? Вспомнилъ?» Снова,
Снова, снова, троекратно голосъ сердце укололъ.

И въ смущеньи, задыхаясь, (такъ-же теменъ и тяжелъ
Былъ сплетенный надо мною куполъ вѣточекъ стожальный)
Я не вѣдалъ, какъ отвѣтить неожиданности новой.
Одиноко каменѣло сердце въ ярости суровой.
Ничего изъ жизни прежней я не помнилъ. Тихій долъ
До сегодня прожитого разстилался сѣръ и голъ.
И катилось надъ пустыней солнце тяжестью багровой.

Ночь опутала тѣнями. Я въ тоскѣ ея дождался
Я усталъ отъ жадной ласки, отъ невнятныхъ мнѣ лобзаній,
Тѣло слабое изныло отъ стремительныхъ касаній.
Но все такъ же надо мною замыкалась сѣть вѣтвей,
Два мучителя, два глаза все бездоннѣй и пустѣй
Открывали злыя бездны между колющихъ сѣтей.
И опять во мракѣ ночи голосъ тягостный раздался.
И опять въ пустое сердце глубоко и больно вросъ
Тотъ же сонной непонятностью мучительный вопросъ:
«Вспомнилъ?» Тихо. Снова: «Вспомнилъ?» Изъ когтей
Не пуская, въ третій: «Вспомнилъ?» И въ тревогѣ ожиданій
Повинуясь приказаньямъ, тщетно, тщетно я пытался
Что-то высмотрѣть въ печальной грудѣ желтенькихъ костей
Прожитого. Все слилось
Въ темный сонъ огромной тучи, не сберегшей очертаній.
Гдѣ-то, гдѣ-то женскій голосъ чище росъ
Пѣсни, многими пропѣтыя, въ цвѣткѣ завядшемъ несъ.

Чью же пѣсню надо вспомнить? Чьихъ лобзаній
Воскресить былую силу? Чьихъ вѣстей
Надо мнѣ исполнить душу? Воздухъ ночи колыхался.
Все не зная, вспоминая, въ плѣнѣ лѣса нестерпимомъ я горѣлъ и задыхался.

Утро небо освѣтило. Всплыли птицы золотыя.
И ко мнѣ въ истому страсти въ гущу дикихъ зеленей
Не одно перо упало въ эти заросли лихія,
Гдѣ всю ночь горѣлъ желаньемъ неиспытанныхъ огней
Женскій обликъ, заплетенный въ дебри зелени глухія,
И впервые на разсвѣтѣ я, какъ сонъ, увидѣлъ *въ ней*
(Такъ теперь могу сказать я,
Въ долгой ночи ощутивши ясно женскія объятья)
Несомнѣннѣе разсвѣта, солнца вставшаго яснѣй,
Женскій обликъ, всѣхъ печальнѣй и грустнѣй,
Всѣхъ мной видѣнныхъ донынѣ страсти преданный сильнѣй.
И опять, вдыхая радость дня лазурнаго зачатья,
Я услышалъ тихо, тихо соплетенные, какъ братья,
Три все тѣхъ же возбудившихъ троекратныя проклятья,
Три все тѣхъ же странныхъ слова, только сказанныхъ вольнѣй:
«Вспомнилъ? Вспомнилъ? Вспомнилъ ли объ ней?»
И внезапно осѣненный простотою воспріятья:
«Какъ же могъ тебя, о Лія, дважды, дважды не узнать я!»
Я вскричалъ, прорѣзавъ сумракъ отошедшихъ въ память дней.

И, опять переживая чувства прежде прожитыя,
Я опять тебя увидѣлъ, цвѣтъ лѣсовъ дремучихъ, Лія.

Осѣненный ли печалью, иль испуганный разлукой,
Или просто непонятной утомляя сердце скукой,
Можетъ быть въ трущобы злыя загнанъ мстительною скукой,
Послѣ яркихъ дней веселья,
Молодясь, какъ дубъ, впервые приносящій плодъ незрѣлый,
Только, только что отвѣдавъ жизни сладостнаго зелья,
Какъ теперь, дремучимъ лѣсомъ, шелъ я, вѣтреный и смѣлый.
Мнѣ на встрѣчу, изъ-за кущи расцвѣтающихъ кустовъ
Въ косахъ, туго заплетенныхъ, въ нимбѣ радужныхъ цвѣтовъ,
Отражая мнѣ невидный свѣтъ небесъ прозрачно-бѣлый,
Ротъ запачкавъ нѣжно-алый синевой черники спѣлой,
Шла — вчера еще ребенокъ—нынѣ дѣвушка, услада зеленѣющихъ лѣсовъ.
«Здравствуй, славная! Откуда?» Глупыхъ словъ не замѣчая
Подошла она поближе и поднявъ цвѣты лѣсные,
Очи, вспоенныя небомъ, незабудки голубыя:
«Лія»
Молвила нежданно, странно мыслямъ отвѣчая
(Какъ же могутъ называться, думалъ, дѣвушки такія?)
«Лія? Лія, здравствуй, Лія!
Я забуду имена любви другія
Только Лія
Пусть разбуженному сердцу сѣетъ грезы золотыя!»

А она
Съ неожиданнымъ привѣтомъ
Подошла и руки-вѣтки
Положила мнѣ на плечи, дикой прелести полна.
И уставила въ глаза мнѣ взоръ пронзительный и мѣткій,
Какъ два озера, два глаза засверкали яркимъ свѣтомъ,
Какъ два солнца, пролетѣвшія сквозь плѣнъ зеленой сѣтки.
И какъ будто вспоминая, узнавая то, что знала,
Просвѣтлѣвшая отъ ласки, такъ любовно задрожала,
И прижавшись: «милый, милый!» такъ стремительно сказала,
Что и я, какъ бы въ оковахъ упоительнаго сна,
Странной дѣвушкѣ повѣрилъ, что любовь меня связала
Съ ней когда-то, что кипучая волна
Ранней страсти только встрѣчи этой съ нею ожидала.

Но сейчасъ же какъ змѣенышъ, желтымъ глазомъ озирая,
Въ душу вкралось мнѣ сомнѣнье: это нѣжное томленье
Не ко мнѣ. И не со мною страсть раздѣлится такая.
«Ты ошибся, милый призракъ, лѣса дикаго видѣнье!
Я не тотъ, кого ты хочешь». Но не знавшая сомнѣнья,
Лія глубже посмотрѣла, тонкихъ рукъ не опуская,
Въ темноту моихъ печальныхъ глазъ, хранившихъ изумленье.
И еще пригнулась ближе: «Ты не знаешь?
Ахъ, скажи: меня не знаешь? Ты забылъ меня навѣки?»
«Лія, Лія, нѣтъ, не знаю!»—молвилъ я, роняя вѣки

На глаза, чтобъ скрыть страданье.
И опять струятся рѣчи, переливчатыя рѣки:
«Ты не знаешь? Милый, милый, онъ не знаетъ!
Ну смотри». И мигъ молчанья.
И одежды ветхой бремя кроетъ травокъ трепетанье.
И она, какъ лѣсъ, нагая
Вся стоитъ на созерцанье.
Отступила шагъ и снова смотритъ, смотритъ и пытаетъ:
«Милый, милый, ты не знаешь?
Ну, узнай, узнай!» И плачетъ. «Ахъ, узнай!» Ручьемъ рыдаетъ
И на мохъ, на трепетъ травокъ тѣло легкое склоняетъ.

О, зачѣмъ я былъ правдивымъ. О, зачѣмъ однимъ обманомъ
Не открылъ дороги къ новымъ, навсегда сокрытымъ странамъ.
О, зачѣмъ однимъ лишь словомъ вѣроятнымъ, нѣжно лживымъ
Я не могъ солгать въ порывѣ дерзновенія красивомъ!
Я сказалъ бы: «Лія, Лія! Я узналъ тебя, о Лія!
Я тебя лишь ждалъ, о Лія! И тебя одну хочу я!»
Развѣ я солгалъ бы больше, чѣмъ солгалъ своимъ молчаньемъ?
И холоднымъ утѣшеньемъ неживого поцѣлуя,
И накинутой одеждой на поля ея нагія,
И какимъ-то охладѣлымъ дикой ласки ожиданьемъ,
И рѣчей своихъ послѣднихъ утомительнымъ туманомъ,
И единственнымъ по вѣжливости тягостнымъ прощаньемъ?

Такъ изъ сумрака прошедшихъ, отошедшихъ въ память дней,
Возникалъ забытый образъ солнца вставшаго яснѣй.
Задыхаясь въ лонѣ лѣса, подъ игрой лѣсныхъ тѣней,
«Вспомнилъ, вспомнилъ!»—я вскричалъ:
«Это ты, я знаю, Лія!
Я теперь тебя узналъ,
Слышу, слышу призыванія глухія,
Вижу ясно глубину твоихъ бездонныхъ, ослѣпительныхъ огней!
Ты—живое тѣло лѣса, ты сама зеленый лѣсъ.
Я хочу твоихъ дремучихъ, неиспытанныхъ чудесъ,

Я хочу твоихъ кипучихъ, восхитительныхъ щедротъ.
Лія, Лія, сонъ любимый, Лія, я теперь не тотъ.
Я стремительнѣй, сильнѣе, лучше, проще и вольнѣй,
Я къ твоимъ истокамъ дикимъ приникать хочу цѣльнѣй,
Весь душей и свѣжимъ тѣломъ страсти яростной оплотъ,
Внѣ запретовъ, внѣ предѣловъ, внѣ томительныхъ завѣсъ,
Лія, Лія, дождь обильный пріими съ моихъ небесъ!»

Лучезарно пламенѣя, солнце обликъ раскаленный
Подымало выше, выше на лазурныя поля.
И въ избыткѣ силы страстной, до сихъ поръ неутоленной,
Я метался въ тѣсной кущѣ—но не тѣло и не дѣва
Тутъ со мной тоской горѣла—я лежалъ въ тѣснинахъ зѣва,
Днемъ разинутаго лѣсомъ, въ чащѣ густо соплетенной,

Различая цвѣтъ деревьевъ, лепестки и листья сѣва,
Древле брошеннаго въ землю и взошедшаго надменной
Красотой цвѣтного лѣса, чѣмъ гордилась мать—земля.

Подъ тепломъ живого солнца вѣтки выше подымались
Расплетая, размыкая плѣнъ зеленый надо мной.
Птицы съ пѣснями и крикомъ въ яркой зелени метались,
И вверху—теперь я видѣлъ—небеса такъ улыбались,
Будто ясной синевою надо мной сквозь лѣсъ смѣялись.
Я лежалъ на мху измятомъ и лиловой пеленой
Верескъ съ запахомъ медовымъ стлался, впитывая зной.
Мохъ измятый и сознанье, отягченное видѣньемъ,
Это—ль знаки прожитого съ небывалымъ наслажденьемъ,
И съ такой глубокой мукой! И опять душа сомнѣньемъ
Охмелялась суевѣрно.
Но одно лишь было вѣрно:
У меня надъ лбомъ печальнымъ волоса вились—свивались.
Это, зналъ я, мнѣ давалось лишь любовнымъ единеньемъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Посвященіе. 5
Эпиграфъ 6

СТИХИ:

ГОЛОСА СМЕРТИ.

Элегіи:
1. 9
2. 11
3. 13
4. 15
5. 16
6. 17
7. 18
8. 19
9. 20
Пѣсенка смертельная 22
Колыбельная 26

ТЮРЕМНЫЯ ПѢСНИ.

Клятва 29
Жертва 31
Поясокъ 33

Ау 35
Повязка 37
Голоса 39
Теплая вода 41
Череда 43
Голуби 45
Кручина 47
Сѣрый вечеръ 49
Марево 51
Гость 53
Ясность 55
Море 56
Пустыня 58
Въ лѣсу 60
Рожденіе 63
Поэтъ 65

В О Л Я.

Воля 69
Дѣтство 72
Мигъ 74
Кладбище 76
Луна 79

ОСЕННІЙ ВИХРЬ.

Вступленіе 85
Вихрь 86
Осень 87
Пожаръ 88
Горящій Лѣсъ 90
Огонь 92
Обрученіе 94
Ликъ Смугляны 96
Закатъ 98

Плѣнъ 100
Листья 102
Поздняя Осень 103

РАДУГА.

Зеленая 107
Сѣрая 108
Розовая 109
Голубая 110
Золотая 112
Синяя 113
Желтая 114
Рыжая 115
Смуглая 116
Бѣлая 117
Темная 118
Аленькая 119
Черная 120

СТИХИ О СВЯТОЙ ЛЮБВИ. 121

СКАЗКИ:

КАСЬЯНЪ 141
ЯГА 155
ЛІЯ 171

185

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

«ЯРЬ». Лирическіе и лиро-эпическіе стихи. Книга первая. Обложка Н. Рериха. Изд. «Кружка Молодыхъ» . . . . . ц. 60 к.

«ПЕРУНЪ». Лирическіе и лиро-эпическіе стихи. Книга вторая. Обложка Л. Бакста. Изд. «Оры» . . . . . ц. 80 к.

«ІЯ». Дѣтскіе стихи. Обложка и рисунки Б. Кустодіева. Готовится къ печати.

BINDING LIST MAY 1 1946

LR
G6724d

443202
Gorodetsky, Sergei Mitrofanovich
Дикая воля.
[Transliterated: Dikaya volya.]

University of Toronto
Library

DO NOT
REMOVE
THE
CARD
FROM
THIS
POCKET

Acme Library Card Pocket
LOWE-MARTIN CO. LIMITED